

Сборник прозы лауреатов литературной премии «ДИАС-2021». – Казань, 2021. – 84 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Анна ЗАВАДСКАЯ. Неудачное дежурство	10
Наталья ДЕМЕНТЬЕВА. Кашкор	15
Николай АЛЕШКОВ. Человек из Зурбагана	24
Сергей ПИДЕНКО. Серебряная труба Арама	31
Татьяна ШАХЛЕВИЧ. Сычиха	39
Денис ГЕРБЕР. Будитлянин, или Приснившаяся змея	45
Алексей РАЧУНЬ. Случай в степи	53
Айдар САХИБЗАДИНОВ. На Волге	62
Майя ГАЛИЦКАЯ. Возвращение	70
МИХАИЛ СМИРНОВ. Люди-птины	77

ПРЕДИСЛОВИЕ

Позади третий сезон литературной премии «ДИАС», а перед вами третий сборник произведений её лауреатов. 10 человек, с честью прошедших все сита отбора и поймавших удачу за хвост (как же без этого!), замечательные: Майя Галицкая (Беларусь), россияне Анна Завадская (Челябинская обл.), Наталья Дементьева (Архангельская обл.), Николай Алешков и Айдар Сахибзадинов (Татарстан), Сергей Пиденко (Самарская обл.), Денис Гербер (Иркутская обл.), Татьяна Шахлевич (Крым), Алексей Рачунь (Пермский край), Михаил Смирнов (Башкирия).

Мысль о литературной премии «ДИАС» родилась у автора этих строк в 2018-м, в год 80-летия со дня рождения известного писателя, философа, основателя теории мегачеловека и общепланетарной религии Диаса Валеева (1 июля 1938 – 31 октября 2010), с которым мне посчастливилось познакомиться и пообщаться совсем недолгое время. Но прочитанные к тому времени книги писателя, особенно философский трактат «Уверенность в Невидимом» уже пустили глубокие корни и проросли желанием увековечить память о нём премией его имени. Уже на следующий год был объявлен приём заявок на первый конкурс. В качестве призов для лауреатов были выбраны шары из натурального камня, ведь шар – философский символ будущего, безграничности, объединения. К тому же, и сам Диас Валеев окончил геологический факультет Казанского университета. Девизом премии стали слова Диаса Валеева: «Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы».

Таких творцов среди 190 авторов из 19 стран мира (вот уж поистине международный конкурс, да и сам Диас Валеев был, как мне кажется, человеком мира) оказалось немало. Кроме 10 лауреатов мы имеем 25 финалистов, чьи работы лишь чуть-чуть уступили лауреатским (а может быть, и не уступили вовсе, но вот так сложилось), потому шорт-лист оказался с золотым отливом. От всей души поздравляю лауреатов, дипломантов и призёров – обладателей приза симпатий членов жюри! Благодарю прочитавших и оценивших гигантский массив работ моих дорогих сподвижников, которыми в этом году были Александр Атвиновский из Оренбурга, Елена Калашникова и Адель Хаиров из Татарстана, Галина Калинкина из Москвы, Елена Севрюгина из Мытищ, Валериан Маркаров из Грузии, Сергей Пупышев из Карелии, Елена Халдина из Челябинской области, а также информационных партнёров конкурса – Татарстанское отделение Союза российских писателей, Союз писателей Республики Татарстан, Издательский Дом Маковского.

Галина БУЛАТОВА (Россия, г. Казань), организатор и куратор премии «ДИАС»

С одной стороны, авторы не удивили – представлены всё те же вечные темы: детство, человек и смерть, семейные отношения, безответная любовь, брошенные деревни, война, вера в Бога: верить или так обойдётся? С другой стороны – ежегодное появление этих тем в конкурсных работах опровергает утверждение некоторых критиков, что войной гражданской и отечественной отболели человеческие сердца, что темы осиротевшей деревни навязли в зубах и канули, что нынешнему читателю скучны все времена до 2000-х годов и т.д. Позвольте поспорить. Вот не отболело! И премия «ДИАС-2021» тому в подтверждение. Автор-участник – он же и читатель одновременно. И если у него остался интерес, невысказанность, вышеперечисленных стало потребность темах, быть, недоговорили все мы. Стало быть, находим нюансы и расставляем акценты. Говорим о тревожащем, о беспокоящем, незажившем. Это такое коллективное бессознательное, не отвернувшееся от прошлого, отказавшееся от него...

...Конкурсы мобилизуют, публикации текстов-призёров, итоговые альманахи дают соревновательный эффект, заставляют соотносить свой текст с текстами других участников длинных и коротких списков. Конкурсы выправляют твой стиль, оттачивают твоё перо. Конкурсы учат любви к слову – в начале было Слово, любви к миру, творчеству и жизни.

Галина КАЛИНКИНА (Россия, г. Москва),

член жюри литературной премии «ДИАС-2021», писатель, автор журнала «Юность», призёр конкурса им. И.А.Бунина (журнал «Этажи»), спецприз лит. клуба «Бостонские чтения», лауреат литературной премии «ДИАС-2020» (из статьи «Тяни ноту вверх»)

* * *

Хочу поздравить организаторов-устроителей, нас, членов жюри, и самих участников с тем, что конкурс действительно состоялся. Давно я не получала такого удовольствия от чтения конкурсных работ. Каждый рассказ, если можно так выразиться, имел для меня «своё лицо», был посвоему ярким и запоминающимся, за что огромное спасибо авторам.

Елена СЕВРЮГИНА (Россия, г. Мытищи),

член жюри литературной премии «ДИАС-2021», поэт, прозаик, критик, кандидат филологических наук, доцент, выпускающий редактор интернет-альманаха «45 параллель», победитель международных литературных конкурсов, лауреат литературной премии «ДИАС-2020»

Много работ очень хороших, несколько очень сильных, с эмоциональным всплеском. Ещё раз понял, как это сложно — судить когото или о чём-то. Хорошо, что составе жюри несколько человек — совместными усилиями итоги конкурса будут максимально объективны. Я был рад внести свою скромную толику в полезное дело. И, конечно же, получил удовольствие от жюрения. Всем-всем-всем спасибо! И всяческих успехов!

Валериан МАРКАРОВ (Грузия, Тбилиси),

член жюри литературной премии «ДИАС-2021», директор Международного образовательного центра в Тбилиси, писатель, член Международного Творческого Союза современных литераторов «Парнас», автор остросюжетных исторических и психологических романов, победитель и финалист ряда международных литературных конкурсов, лауреат литературной премии «ДИАС-2020»

* * *

Огромное спасибо за предоставленную возможность поработать в жюри, для себя я вряд бы читал такое количество текстов, а так сложилось общее представление о чём и как сейчас пишут авторы, опыт был полезным...

Александр АТВИНОВСКИЙ (Россия, г. Оренбург),

член жюри литературной премии «ДИАС-2021», поэт, прозаик, член Союза архитекторов России, победитель и финалист ряда литературных конкурсов, лауреат литературной премии «ДИАС-2020»

* * *

Очень приятно получить от Вас письмо и узнать о столь высокой оценке жюри. Я даже слегка смущён. С большим интересом прочёл вашу прекрасную статью, кое-что о Диасе Валееве я уже знал, но многое открылось мне только после прочтения статьи. Впечатлён. Получить премию имени такого человека для меня большая честь и ответственность.

Алексей РАЧУНЬ (Россия, г. Пермь),

автор публикаций в российских изданиях, лауреат литературного конкурса им. Каверина, лауреат литературной премии «ДИАС-2021»

рад, что стал лауреатом премии «ДИАС», хочу поблагодарить членов жюри и организаторов! Диас Валеев писал, что творчество – это важная составляющая совершенствования человека, его приближение к высшему. Не надо думать, что творчество только удел писателей, ведь читатель тоже участвует в этом. Писатель создаёт некие подробные сценарии фильмов, которые затем проигрываются воображении читателя. Поэтому все мы так или иначе вовлечены в творческий процесс. Текст является неким полем, где соприкасается мышление разных людей. Я пока не читал произведений других участников премии, но мне это любопытно. Успехов участникам будущих сезонов и успехов самой премии!

Денис ГЕРБЕР (Россия, Иркутская обл., г. Ангарск), радиоведущий, продюсер, писатель, автор публикаций в толстых литературных журналах, лауреат литературной премии «ДИАС-2021»

* * *

В этом конкурсе удивительно всё: и его эмблема, похожая на изображение земного шара, и название, которое сначала рассказывает об имени талантливого писателя и драматурга, а потом вдруг оборачивается аббревиатурой номинаций, каждая ИЗ которых имеет философский смысл: «Дело», «Имя», «Абсолют», «Судьба». Не это ли составляющие жизненного человеческого пути? Я поздравляю организаторов, участников, победителей и очень рада оказаться в числе лауреатов премии.

Анна ЗАВАДСКАЯ (Россия, Челябинская обл., г. Сатка), врач, писатель, лауреат Международного российско-канадского конкурса «Сказки XXI века», Всероссийского конкурса «Поэзия русского слова», финалист Международного фестиваля «Мгинские мосты», шорт-листер Всероссийского конкурса «Во славу Бориса и Глеба», лауреат литературной премии «ДИАС-2021»

Огромное спасибо и низкий поклон членам жюри за высокую оценку моей работы! От души радуюсь, что поднялся ещё на одну ступеньку, прибавив в послужной список ещё один замечательный конкурс. Надеюсь, что «ДИАС» с каждым годом будет набирать обороты. Это очень хорошо! Пусть так и будет! Здоровья всем, счастья, добра, удачи и, конечно же, творческих успехов!

Михаил СМИРНОВ (Россия, Башкирия, г. Салават),

писатель, член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни», лауреат Международной премии «Филантроп», Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», лауреат литературной премии «ДИАС-2021»

* * *

Поздравляю Вас с состоявшимся третьим сезоном премии «ДИАС»! С новыми именами! С достойными рассказами-победителями! Ваша премия — прекрасная задумка и дань памяти Диасу Валееву, продолжение его дела служения философской и гуманистической идее. Сами номинации чудесные, вдохновляющие на написание не рядовых, обычных текстов, а текстов на значимые высоконравственные темы...

Низкий поклон Вам и всем членам жюри! Это такой большой труд – принять, отчитать, оценить огромное количество самых разных конкурсных работ! С нетерпением буду ждать сборник рассказов лауреатов этого года, обязательно прочту и предыдущие работы. Все эти рассказы – для меня самая лучшая школа.

Статью Галины Калинкиной (отличнейшую!!!) перечитала несколько раз — мне очень не хватает таких вот «разборов полётов» профессионального литератора...

Счастлива оказаться в почётном списке Ваших симпатий... Для меня, человека, любящего литературу и с самого детства пишущего, но не имеющего литературного образования, это огромная честь и гордость...

Пусть премия «ДИАС» собирает много новых и старых интересных, достойных внимания участников и их работ! Удачи Вам и успеха в личном творчестве и подвижничестве, которым Вы занимаетесь по зову сердца. Это чувствуется, и это вызывает уважение...

Наталья КРАВЦОВА (Россия, Оренбургская обл., пос. Домбаровский), писатель, лауреат литературного конкурса «Оренбургские таланты», лауреат двух сезонов Международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба» и др. конкурсов, финалист литературной премии «ДИАС-2021», обладатель приза симпатий от куратора премии «ДИАС».

ЛАУРЕАТЫ В НОМИНАЦИИ «ДЕЛО»

АННА ЗАВАДСКАЯ

(Россия, Челябинская обл., г. Сатка)

НАТАЛЬЯ ДЕМЕНТЬЕВА

(Россия, Архангельская обл., г. Коряжма)

ЛАУРЕАТЫ В НОМИНАЦИИ «ИМЯ»

николай алешков

(Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны)

СЕРГЕЙ ПИДЕНКО

(Россия, Самарская обл., г. Тольятти)

ТАТЬЯНА ШАХЛЕВИЧ

(Россия, Республика Крым, с. Абрикосовка)

ЛАУРЕАТЫ В НОМИНАЦИИ «АБСОЛЮТ»

ДЕНИС ГЕРБЕР

(Россия, Иркутская обл., г. Ангарск)

АЛЕКСЕЙ РАЧУНЬ

(Россия, Пермский край, г. Пермь).

АЙДАР САХИБЗАДИНОВ

(Россия, Республика Татарстан, Тетюшский р-н, с. Урюм)

ЛАУРЕАТЫ В НОМИНАЦИИ «СУДЬБА»

майя галицкая

(Беларусь, г. Буда-Кошелёво)

МИХАИЛ СМИРНОВ

(Россия, Республика Башкирия, г. Салават)

АННА ЗАВАДСКАЯ, Россия, Челябинская обл., г. Сатка

(номинация «Дело»)

Выпускница Литературных курсов Челябинского Врач. государственного института культуры (2018). Пишет прозу для детей и взрослых. Автор книг «Сказки феи Ниточки» (Волгоград), «Невыдуманные рассказы про пса по имени Марс» (Челябинск). Публиковалась на сайтах «Ассоциации писателей Урала», «Российский писатель», литературного «Молодое око». Печаталась В тематических «Союз писателей» издательства (Новокузнецк, 2019, 2020, 2021), Лауреат «Перископ-Волга» (2020).Международного издательства российско-канадского конкурса «Сказки XXI века» (2015), Всероссийского києєоП» русского (2018,2020). слова» Международного фестиваля «Мгинские (2019).мосты» Очерки «Путешествие в детство» вошли в короткий список Всероссийского конкурса «Во славу Бориса и Глеба» (2019).

НЕУДАЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Лет тридцать прошло с того дня. Сейчас Ирина Павловна давно на пенсии. А тогда...

Дежурство не задалось с самого начала. Ирина только успела принять информацию о пациентах детского инфекционного отделения, нуждающихся в особом наблюдении, как её срочно вызвал Евгений — заведующий соматическим отделением младшего возраста. Он ждал Ирину в палате интенсивной терапии. Туда же следом зашёл Юрий — заведующий отделением реанимации. Все втроём были примерно одного возраста и одного ранга. Ирина возглавляла детское отделение старшего возраста.

Евгений собрал их ради только что поступившего тяжёлого пациента. Полуторамесячный мальчик умирал. Двухсторонняя пневмония не оставила ему шанса. Неритмичное поверхностное дыхание. Тщедушное тельце, как сетью, покрыто ячеистой синевой. Крошечные губки и кожа подбородка — почти чёрные. Глаза ввалились. Только заострённый носик клювиком выделялся на страдальческом личике. Facies Hippocratica — «маска Гиппократа» — так в медицине описывается лицо умирающего.

- Ему осталось часа два-три от силы, констатировал Юрий.
- Согласен, подтвердил Евгений.
- Вы не собираетесь переводить его в реанимацию? спросила Ирина.
  - А смысл? удивился реаниматолог.
- Да не волнуйся ты! попытался успокоить Ирину коллега из младшего детства. – Сейчас мы оформим в истории консилиум. Всё

лечение распишем. Но переводить его правда не стоит. Видно же, что тут досуточная летальность будет. Запущенный случай.

– Что мне ваш консилиум! Лучше с матерью поговорите. Объясните ей ситуацию сами. Не оставляйте это мне!

Самое тяжёлое в их профессии — разговоры с родственниками. Тем более, если речь идёт о ребёнке и матери. Ирина не зря взбунтовалась. Брать на себя эту миссию ей совсем не хотелось. Понимая профессиональным умом правоту коллег, она всё равно чувствовала себя брошенной ими рядом с умирающим младенцем!

Мужчины переглянулись. Им тоже не улыбалась перспектива нелёгкого разговора, но Ирина настаивала. Заполняла лист назначения для сестёр, пока они вдвоём беседовали в палате с женщиной. Ирина невольно прислушивалась к тому, что происходило за стеклянной дверью. Уливилась тишине.

- Вы ей точно всё сказали? спросила вернувшихся в ординаторскую мужчин.
  - Точнее некуда. Объяснили, что до утра ребёнок не доживёт.

Коллеги ушли: педиатр — домой, реаниматолог — в своё отделение. Тоже сегодня дежурил. Ирина осталась один на один с маленьким пациентом. Таня — дежурная медсестра ПИТ — глядела сочувственно.

«Рассусоливать некогда! — мысленно подстегнула себя Ирина. — Умрёт, не умрёт — делать надо всё, что положено». Она выдала медсестре лист назначений.

Зазвонил телефон. Дежурная лаборантка доложила результаты взятых по экстренности анализов. Не всех...

- Кровь гемолизирована, ничего нельзя определить.
- Понятно: синдром внутрисосудистого свёртывания крови.
  Результат тяжёлой гипоксии. Пациент-то терминальный.

В ординаторскую заглянула Татьяна:

Ирина Павловна! В вену попасть не можем! Зайдите в процедурную.

Над маленьким тельцем трудились три медсестры. Нина и Валя пришли на помощь Татьяне. Опытные. С такими — хоть в разведку! В локтевых сгибах, кистях, стопах ребёнка видны кровоточащие места уколов.

- Видите, что творится? Попасть не можем, а везде, где коснёмся иглой, - кровит.

Вот он — синдром внутрисосудистого свёртывания. Во всей красе. Будь он неладен! Но, может, ещё не всё потеряно? Вдруг процесс ещё обратим?

– Нина! В стеклянный капилляр кровь наберите и засеките время, когда произойдёт образование сгустка.

Время идёт. Лечение расписано, а ребёнок его не получает! Внутримышечно вводить – смысла нет: выстрел мимо. Нужна вена!

Вызвала дежурного хирурга, чтобы обеспечил доступ к кровеносному сосуду хирургическим путём. Старания коллеги привели только к тому, что на синюшном тельце появились ещё две кровоточащие раны: от скальпеля. Хорошо ещё — малыш без сознания! Не мешает колоть. И мать затаилась в пустой палате. Каменная, что ли? Но сейчас это к лучшему: не надо отвлекаться на неё.

Тане удалось попасть в одну из подкожных вен черепа.

- Девочки! Берегите вену! Нина, за капилляром следите? Сгусток ещё не образовался?
  - Нет, Ирина Павловна!
  - А сколько времени прошло?
  - Сорок минут уже.
  - Дальше следить бессмысленно. Это последняя стадия.

Жаль! Она надеялась.

- Ирина Павловна! Скорая привезла ребёнка в коме.
- Всё! Я побежала в приёмный. Валя! На всякий случай расспроси мать, узнай, какая у неё группа крови. И попытайся определить группу у ребёнка.

Она понимала, что дала невыполнимое задание медсестре, но хоть что-то делать нужно!

В приёмном покое фельдшер скорой передал ей пухлого десятилетнего мальчишку без сознания. Анамнез — неизвестен. От рыдающей матери толку нет. Она нашла сына в таком состоянии, когда вернулась домой после работы.

– Пожалуйста, не кричите! Вы мне мешаете его слушать.

Осмотрела, ощупала, прослушала, простукала... Температура нормальная. Сыпи нет. Мышцы задней поверхности шеи не напряжены. Постороннего запаха от ребёнка тоже не чувствуется. Что это?

– Лаборанта сюда снова! Мне нужны клинические и биохимические показатели! Ребёнка – в процедурный, на третий этаж. Мать пусть займётся его друзьями, приятелями, соседей расспросит. Необходимо выяснить всё, кто, что видел и слышал. Ну, что-то же случилось с ребёнком!

Пока берутся анализы – в ПИТ. По дороге заглянула в палату к маме умирающего малыша: спит! Пусть спит. Меньше сутолоки.

Маленькое тельце – на большом процедурном столе. Одна медсестра пальцами фиксирует ускользающую нитеобразную венку на голове. Другая – готовит шприцы с лекарствами.

– Ирина Павловна! Группа крови не определяется.

Правильно. А чего она ждала?

- У матери какая?
- Первая, резус положительная.

Ну, и зачем ей это? В любом случае при переливании компонентов крови сначала нужно определить совместимость с кровью пациента в лабораторной посуде. А тут – гемолиз! Да и компонентов никаких нет. И

заказать она их не может, так как не знает группу младенца. Мать её тоже не знает. И поступили без медицинской карты. Итак, в наличии: истекающий кровью ребёнок и мать...

Ирина Павловна! Он кровит, не переставая. Повязки не помогают.
 Я просто обложила его пелёнками, чтобы впитывали.

«Господи! Ну пусть он не умрёт сегодня! Пусть потом, через день, два, но не сегодня!»

– Ирина Павловна! Вам лаборант звонила. Передала результаты анализов десятилетнего мальчика. Я записала, – медсестра приёмного покоя подала лист с цифрами и буквами.

Пробежала глазами. Что, что не так? Сахар!!! В четыре раза выше нормы! Неужели гипергликемическая кома? Без анамнеза, предшествующих тревожных симптомов! И запаха гниющих фруктов от него Ирина не уловила. Ну да ладно. Главное — есть за что зацепиться! Понятно, как дальше действовать.

Хорошо бы теперь в помощь эндокринолога вызвать. Так всегда делается. Но и тут — невезуха! Взрослый специалист в отпуске, детский — сам лежит в областной больнице. Что сегодня за дежурство такое?!

Необходимо собраться с мыслями! Помощники: собственные знания, конспекты и монографии по неотложной терапии... Всё — в наличии. Лаборант на подхвате до утра: сахар крови необходимо контролировать каждый час. Расписала капельницу с инсулином. Интересно, сколько сейчас времени? Двенадцать. Ночь. Теперь будем жить по часам. И бегать по этажам: десятилетний с гипергликемией — на третьем, полуторамесячный — в ПИТ на втором. Пора к нему.

- Кровит?
- Кровит.
- Реагирует на что-нибудь?
- Нет!

Израненное тельце – в обрамлении окровавленных пелёнок. Сколько же из него вытекло?! Хоть что-то в нём осталось? Кислородная маска на крошечном личике. Дыхание еле заметное, с перерывами. Что ещё можно сделать? Ничего...

- Таня! Зови мать в процедурку и готовь шприцы десятиграммовые.
  Парочку.
  - Что задумали, Ирина Павловна?
  - За соломинку хватаюсь.

Этого делать нельзя! Она не знает группу крови ребёнка. Не может провести пробу на совместимость. Это всё — не по правилам! Её действия могут привести к немедленной смерти малыша! Господи, помоги! Ну не в силах она не попытаться!

У матери взяла кровь сама. Потом снова водворила её в палату. Стояла рядом с процедурным столом, пока сестра проталкивала живую субстанцию сквозь шприц в сосуды ребёнка. Тоже бы сама сделала, но побоялась, что навыка не хватит.

Теперь – на третий этаж. Сахар начал снижаться. Сознание ребёнка спутанное. Информации от матери нет. Хорошо ещё, что в инфекционное отделение никто не поступает!

В три часа ночи, когда в десятый или пятнадцатый раз спустилась на второй этаж, Татьяна сообщила, что малыш перестал кровить.

— Наверно, кровь закончилась, — брякнула Ирина, не любившая чёрный юмор. Но — это в нормальной жизни. Сегодня была не такая.

В четыре – десятилетний пришёл в себя.

- В пять полуторамесячный зашебуршился, губками стал искать материнскую грудь.
- Таня, пусть мать сцедится. Покормите малыша. Может, это последнее желание.

В шесть – медсестра срочно вызвала на третий этаж. Десятилетний снова загрузился. Сахар упал ниже нормы. Скорей глюкозу!!!

В семь тридцать Евгений пришёл на работу.

- Во сколько умер? спросил Ирину.
- Он живой. Грудь сосёт, в её голосе не было эмоций, как не было красок в осунувшемся лице.
- Не понял... коллега стремительно вошёл в ПИТ. Малыш усердно причмокивал мамину грудь.
- Чего делала? недоверчиво спросил Евгений, вернувшись в ординаторскую.
  - Лечила пневмонию, как мы вместе расписали.

О том, что предпринимала против правил, Ирина распространяться не собиралась.

Рабочее утро начиналось, как всегда, в кабинете главного врача. Дежуранты отчитывались о проделанном. После доклада Ирины, заведующий реанимацией воскликнул:

- Чего же гипергликемию к нам не перевела? Даже на консультацию не вызвала!
- Честно говоря, про вас даже не вспомнила после того, как вы мне умирающего оставили. Ничего, ночь простояла, теперь бы день продержаться.

С восьми началась обычная ежедневная работа. К девяти, наконец, выяснилось, что в тот день десятилетний мальчишка подрался и получил хороший удар по голове. Так что диагноз сахарного диабета можно было снять.

Полуторамесячный с той ночи неожиданно быстро пошёл на поправку и через две недели выписался.

- Мать уходила, даже спасибо не сказала! пожаловался Евгений.
- Оно тебе сильно надо? попробовала успокоить коллегу Ирина.
- Что ты всё-таки сделала, что он не умер?
- Да, ничего особенного. Я просто очень хотела, чтобы этого не произошло на моём дежурстве.

НАТАЛЬЯ ДЕМЕНТЬЕВА, Россия, Архангельская обл., г. Коряжма

(номинация «Дело»)

Родилась 21 февраля 1989 года в маленьком рабочем городке Коряжма, расположенном на юге Архангельской области. Окончила Чебоксарский государственный педагогический университет, факультет русской филологии (2011), затем заочно факультет управления. Победитель Международного конкурса короткого рассказа от радио «Гомель».

«Особой творческой биографии у меня нет. Писать полюбила ещё в Ho начала только тогда, устроилась работать школе. когда корреспондентом в одну из газет нашего города. Однажды редактор сказала: «Знаешь, у тебя очень «тёплые» и хорошие статьи. Пёрышко легкое, так сказать. Тебе надо попробовать писать не только статьи. Хотя бы для себя!». Послушав её и решив, что у меня не такая уж скучная жизнь, что в ней много того, о чём можно рассказать, я начала писать. Сказать, что пишу, – значит соврать. Я пробую писать. Да, пробую писать...»

КАШКОР

Любовь к беляшам у меня пропала на старшем курсе филологического факультета...

До сих пор помню день, когда на распределении по месту прохождения практики мне выпала тяжёлая участь: целый месяц вести уроки в коррекционном классе...

С первого же дня практики директор, учителя и даже школьники рассказывали мне страшилки про школьного хулигана по прозвищу Волк, которого из-за его неадекватного и бандитского поведения боятся на районе даже взрослые люди. Однако сам герой этого рассказа не торопился посещать мои занятия. С ним мы познакомились лишь на третий день педагогической практики. И могу поспорить, если бы у него не возник интерес посмотреть на новоиспечённого педагога, я бы его никогда не увидела.

Помню, как дверь класса с грохотом распахнулась, и в кабинет вошёл высокий светловолосый парень с взъерошенными и давно не мытыми волосами, в побитых разношенных кроссовках, спортивных штанах и вытянутой в локтях толстовке. От старшеклассника исходил резкий запах жжёного дерева и костра, словно он только вернулся из похода или после ночёвки в лесу. Не извинившись за опоздание и не попросив разрешения войти в класс и сесть на место, окинув меня презрительным взглядом, мой ученик молча уселся за последнюю парту, демонстративно выложив на стол тонкую засаленную тетрадь, огрызок карандаша и синюю шариковую ручку, колпачок которой был расплавлен

почти наполовину зажигалкой. И да, как забыть – конечно же, у него, как у настоящего бунтаря, всегда была при себе пачка сигарет, которая появлялась в руках всякий раз, когда Волку надо было выйти из класса.

Наблюдая за моими попытками «вбить в головы» своих подопечных хоть какие-то знания, он просто молчал, рисуя в тетради то собак, то граффити, то черепа. И так все три дня — до самой пятницы. Возможно, вся история на этом могла закончиться, если бы не господин случай.

Понедельник. Мой урок литературы в расписании 9 «В» класса в этот день был последним. После долгожданного освободительного звонка ребята мигом покинули кабинет, небрежно бросив на учительский стол свои тетради. Все, кроме Волка.

Делать в школе было уже нечего, оставалось закрыть кабинет и двигаться в сторону общежития, чтобы готовиться к новому учебному дню, полному бессмысленных, как мне тогда казалось, педагогических страданий.

Вспоминаю, что шла медленно, шурша опавшей, уже успевшей слегка подгнить листвой, думая о предстоящем отдыхе и нудной вечерней подготовке. Но все мысли оборвал прокуренный голос:

– Эй, учительница! – небрежно сказал он.

Обернувшись, я увидела, что высокая человеческая фигура стоит, опершись одной ногой на садовую ограду, с дымящейся сигаретой в руках.

- A, это ты! Ты не сдал мне сегодня тетрадь, хочешь, отдай сейчас, стараясь не подавать подступающей тревоги, храбро ответила я.
- Тетрадь?! Какую тетрадь? худой пацан выбросил окурок и подошёл ближе, так что я без труда почувствовала резкий запах горелых досок и табака. Слышь, учительница, дай сотку!

Такой наглости я не ожидала.

- Во-первых, это не прилично: вот так просить деньги. Во-вторых, пусть тебе родители дают, или заработай. Честные люди деньги не вымогают! назидательно начала я.
  - Давай тогда двести! хладнокровно перебил меня собеседник.
  - Жмаков, ты обалдел! Не дам я тебе ничего! Уйди, я тороплюсь!

С трудом отодвинув с дороги своего ученика, я пошла дальше, стараясь не подавать вида, что напугана до чёртиков. Подумав несколько секунд, Ваня (так его звали) крикнул мне вслед:

– Учительница! А что бывает со студентами, когда они заваливают практику?

Зашёл, что называется, с козырей. Страх сменился гневом. И я быстро вернулась туда, где начался наш разговор.

- Слушай сюда, Волчара! Только попробуй запороть мне практику! Я знаешь, что сделаю! Я... Я...
- Вы педагог. Вам нельзя. Вы же должны быть гуманными и понимающими, как говорит наша класснуха, съехидничал он, выдавив на лице кривую улыбку, больше похожую на оскал. Слушайте, давайте договоримся. Вы мне триста рублей, а я на итоговом уроке, так и быть,

стану паинькой. Для вас, домашних девочек, триста рублей — не деньги. Добрые родители ещё дадут. А нам, «отбросам», приходится выживать самостоятельно. Ну что, договорились: сначала деньги — потом спокойная практика!?

Крыть было нечем. Передо мной тот, кто наводит страх даже на директора школы. Такой, если решит сорвать аттестационный урок, непременно это сделает. Я достала кошелёк и, тяжело выдохнув, отдала запрошенную сумму:

— Вот держи. Давай, вали за своим бухлишком или что ты там хотел купить! — подавляя подступающие к горлу слёзы обиды и беспомощности, злобно выкрикнула я.

Ваня, молча забрав деньги, перепрыгнул через ограду, пересёк аллею и скрылся во дворах. А я поплелась в сторону троллейбусной остановки, почти рыдая от обиды и проклиная и школу, и деканат, и себя. Проклинала до тех пор, пока не оказалось, что проездной, который всегда был в моём студенческом билете, я оставила в школе, как, собственно, и методическое пособие. Хуже дня придумать было невозможно! И я быстрым шагом пошла обратной дорогой, решив срезать путь через двор.

Проходя мимо непривычно длинного дома, я увидела, как Иван, прижав к груди чёрный пакет-майку, спешно удаляется в сторону дач, граничащих с районом. Вот он мой шанс отомстить! Прослежу, сфотографирую и сдам с потрохами! И, представляете, мне повезло! Горепреступник так торопился и был озабочен своим пакетом, что даже не рискнул оглянуться, чтобы заметить меня, идущую следом за ним по другой стороне дороги.

...Он остановился напротив старого дачного домика, всё также удерживая возле груди пакет. Затем раздался глухой скрип калитки, сделанной из двух сваренных спинок от советской железной кровати. Вот оно, «волчье логово»! Я переложила из сумки в карман мобильный телефон, чтобы иметь возможность быстро сделать снимки и, перейдя уже грунтовую дорогу, двинулась к его убежищу. Куда ушёл мой инстинкт самосохранения в этот день, мне не ведомо. Поверьте, я была готова увидеть, как этот подросток пьёт спиртные напитки, употребляет наркотики или ещё чего хуже. Но не это! В рассохшейся будке на цепи сидела старая собака. По мутным глазам её было видно, что она почти ослепла. Ваня негромко позвал её по имени, и она, прижав уши, завиляла хвостом.

— Привет, Найда. Ждала? Прости, что опоздал. Мать заставляет на уроки ходить, иначе обратно в деревню отправит. Вот и приходится «гнить» за партой целый день, — извиняющимся мягким голосом произнёс Жмаков.

У меня в груди что-то оборвалось и сжалось. Я интуитивно толкнула вперёд дверцу калитки, и она со скрипом открылась. Перепуганная собака спряталась в конуру. А Жмаков, сев на корточки, закрыл лицо руками,

будто пряча что-то, что могла разглядеть в его глазах мохнатая подруга, а может, просто закрыл лицо, страхуясь от случайной фотосъёмки.

- Ваня... ломаным осиплым голосом произнесла я.
- Не смейте! Не смейте со мной разговаривать! Валите отсюда! заорал он, подняв на меня голубые глаза, полные звериной злобы и дикости глаза, в которых читалось лишь одно желание разодрать случайного гостя на части. Но, заметив, что от громких криков Найда стала тревожно скулить, сбавил тон.
- Чего вы сюда приперлись? доставая из кармана небольшой нож, так же злобно говорил Жмаков, медленно идя мне навстречу. А, хотели сфотографировать и всем показать, какой я тряпка?! Я вас убью! А не убью, так вам вашу долбаную практику запорю так, что вам никогда преподавать не дадут! Понятно, учительница!? Всё, можете бежать, жаловаться, сдавать меня органам опеки! А заодно и место на кладбище себе закажите. Мы с ребятами всё равно вас найдём!

Я шмыгнула за калитку. Казалось, что стоит сделать хоть шаг, и моего собеседника уже не остановить. Мне крышка... Но было в этих злобных мальчишечьих глазах нечто, что словно говорило: «Нет, он не тот, кем кажется...». Сама подкармливала бездомных кошек, поэтому в сумке всегда было несколько пакетиков влажного кошачьего корма. Дрожащими руками я достала их со словами:

– У меня вот. Есть. Только для кошек. Может, ей пойдёт?

Ваня, растопырив ноздри, сжав губы так сильно, что яблоко подбородка превратилось в камень, резко выхватил из моих рук кошачью еду и, покрутив немного полнёхонькие упаковки в руках, добавил:

- Я так понимаю, вы от меня не отвалите? Типа, не из трусливых? прищурив глаза, выпальнул он.
- Я-то? А, да, да я вообще ничего не боюсь. Слабоумие и отвага наше всё! пытаясь разрядить обстановку, уже успев почувствовать холодный пот, стекающий тонкой струйкой по спине, пыталась шутить я.
- Ладно, фиг с вами. Задрали уже. Припёрлись, так заходите. Познакомлю, прозвучало уже более снисходительно из его уст. Пфффф... Знакомьтесь, это Найда. Найда, это тётечка-учительница. Она нас раскрыла и теперь нам придётся избавиться от неё, а перед смертью она очень хочет скормить тебе вот эту кошачью жратву. Чего стоите столбом, протяните собаке руку, она почти слепая, пусть почувствует, что вы не обидите её. Иначе я точно обижу вас.

Зажмурившись, боязливо я протянула руку старой дворняге. Она, обнюхав, лизнула её в знак доверия. Жмаков, не обращая на меня внимания, достал из-за конуры металлическую миску, сделанную из небольшого эмалированного ковша с отломившейся ручкой и обгоревшим дном, аккуратно убрал со дна посудины налетевшую за день листву, затем ножичком ловко вскрыл пакет сухого собачьего корма с надписью «Для щенков в возрасте до года» и щедро насыпал его Найде. Та принялась жадно поглощать свой обед. А мой ученик сел с ней рядом и аккуратно

начал поглаживать скатавшуюся в небольшие колтуны шерсть на старой собачьей спине, лишь изредка косо поглядывая на меня. Мы молчали в тишине, разрываемой звуками трескающихся кусочков корма на стёртых клыках Найды. Чувствовалось, что собаке и такой мелкий корм даётся нелегко. Сколько же ей лет?

В накрывшей дачи осенней тишине я детально рассмотрела пустующий участок и старый маленький дом. В запущенном огороде на одной из грядок чёрным пятном выделялись угли потухшего костра, которым, видимо, и пах всегда Ваня... И тут меня как громом пронзило: участок-то ведь чей-то! А где хозяин? Или, может, эта земля семьи этого мальчишки? Я спросила:

- Ваня, а где хозяин? Ты здесь один?
- А хозяина нет, тяжело выдохнул пацан. Здесь раньше дед Матвей жил, а этим летом, в июле, помер. Оставил после себя и участок, и дом, и собаку. Вы не бойтесь. Дачи в это время полупустые. Люди подались в город.
  - А у деда ведь родственники есть?
- Родственники есть, конечно. После смерти его «заботливая» дочь приезжала. Что можно было из дома вывезти, увезла. Новый замок повесила. Долго думали они с мужем, что с собакой и участком делать, решили, что дом попробуют продать, а собака, если не сдохнет до холодов, то в ветеринарку поедет на усыпление.
- Изверги! И что, они её вот так привязанной к будке и оставили? с негодованием спросила я.
- Нет. Привязал её я. Вы что, дура? Она же почти слепая. Уйдёт далеко и потеряется. А так сидит здесь полдня. Я же всё равно с ней до вечера. И мне спокойнее.
- А ты-то откуда всё это знаешь? Родственник что ли этот дедушка тебе? не подавляя любопытства к чужой истории, спросила я.
- Да нет, не родственники мы. Познакомились с дедком случайно прошлой осенью. Я тогда только в город жить перебрался и сразу же компанию себе нашёл «весёленькую». Чего мы только не творили! Однажды решили пойти гулять по дачам. Выпили хорошенько. Старший в нашей банде сказал, что мне нужно пройти обряд посвящения и предложил нассать в чужой колодец. Ну, я и нассал. До сих пор стыдно. А потом стрельнуло нам залезть в чужие огороды: то кусты ломать, то овощи воровать. Кто сворует незаметно, тот «мужик» и «красава». Мне поручили в огороде деда Матвея яблок нарвать. Ну, я и тут послушался. Стою, пьяный почти в стельку, рву, складываю в карманы толстовки и чувствую, как меня дед за ухо схватил. Матвей, хоть и старый, а мужик сильный оказался, а я пьяный и сопротивляться толком не могу. Заорал, парни услышали, прибежали и начали деда бить. Я пасанул, как девка, и убежал. Два дня дома взаперти сидел, всё про деда думал. Я же слабохарактерный и тряпка. Не выдержал в итоге, вернулся. Пришёл, а Матвей весь в синяках на лавочке сидит. Я встал перед ним и разревелся, прося прощения.

Помню, что он молча поднялся на крыльцо дома, а потом сказал, что нет смысла стоять на улице, и пригласил к себе. С тех пор мы и подружились. Тоже, кстати, педагог. Вёл в школе географию, а когда на пенсию вышел, то поселился здесь. Ребята мои меня, конечно, избили и изгнали из банды. Остался я один. Вот и повадился к нему заходить. То воды принесу, то дров, то в аптеку сбегаю, то в магазин. И к собаке привязался этой. Дочь его пару раз приезжала, всё говорила о каких-то документах на имущество, но против нашей с ним дружбы не возражала. Видимо, ей тогда удобно было, что я ему помогаю. К весне дед быстро плохеть стал и каждый день мне в уши про Найду жужжал. Жалко ему её было. Просил присматривать, когда помрёт...

Так мы весь учебный год и провели вместе: я, Матвей да Найда. А потом мать на летние каникулы отвезла меня в деревню. Я месяц продержался. Всё думал, как там дедок один. В одно утро проснулся, а у меня предчувствие на душе нехорошее. Не выдержал, сел на автобус и поехал в город. И сразу же к дому Матвея двинулся. Там меня его дочь с мужем встретили и сообщили, что помер он несколько дней назад, просили больше не приходить. Вернулся я к дому этому через неделю. А собака всё сидит на крыльце. Хозяина ждёт. Я обещал же деду заботиться, вот и хожу сюда каждый день. Я бы домой её забрал, но отчим и так меня не любит. А тут заявил, что ещё старого «блоховоза» дома не хватало. Мы в его квартире живём, поэтому мать ему слова поперёк сказать не может. И тоже Найду забрать с улицы не разрешает.

Я слушала его слова с комом в горле и удивлялась тому, как не подетски может вести себя ребёнок. Начало смеркаться. Здесь темень приходит рано. Ваня тоже почувствовал надвигающийся сумрак и быстро пошёл в сторону дровяника, вернувшись с парочкой хороших добротных поленьев, которым нашлось место на уже обустроенном огородом кострище. Внезапно я осознала, что желудок у меня совсем пуст, да и у Волка, наверно, тоже.

- Ваня, ты есть хочешь? Давай я в магазин схожу, принесу нам поесть? Тут не очень далеко пирожковая есть. Ты булочки будешь? както по-матерински вышло у меня сказать эти слова.
  - Беляши... почти шёпотом произнёс Жмаков.
  - Прости, что ты сказал, я не расслышала.
- Беляши. Можно мне тогда беляши? выдавил из себя он, и я всё поняла без дальнейших слов...

Когда я вернулась с пакетом утренней выпечки, коробкой сока и собачьим кормом, Ваня и Найда уже сидели на голой земле у разгоравшегося костра почти спина к спине и грелись, а может, просто о чём-то думали-мечтали, глядя в яркое пламя. Из-за напавшего на меня голода свои пирожки я съела ещё по дороге до дач, поэтому просто молча протянула пакет с пятью беляшами мальчишке, который один сразу же отдал своей мохнатой подруге, а остальные умял сам. Того и следовало ожидать – голодный.

Время шло. Я понимала, что мне пора уходить. Впереди ещё дорога в общежитие и подготовка к урокам. Да и здесь, в этой какой-то сиротской идиллии, я была не к месту. Понимая своё словесное бессилие, я хотела всё же сказать что-то ободряющее этому высокому мальчишке. А на ум пришло только:

- Знаешь, а для злого Волка ты слишком добрый.
- Это прозвище со мной уже второй год, не оборачиваясь, выдохнул Ваня.
- Я бы хотела узнать, почему тебя так назвали, не желая уходить, поинтересовалась я, не надеясь, что мой собеседник расскажет мне и эту историю. Но он заговорил, теребя длинной палкой головешки:
- Я сам деревенский. Сюда меня мать привезла, когда с отчимом сошлась. Отец у меня был хорошим мужиком, только выпить любил иногда. И вот один раз, когда начались работы в поле, он пьяным сел за руль трактора, но с управлением не справился... Погиб. А мать тогда не работала. Трудно в деревне с работой. Потом тётка моя, которая перебралась в город ещё после учебы, устроила её фасовщицей на фабрику и у себя поселила. Мать всю неделю работала в городе, а на выходные приезжала в деревню. Я в деревне со старшей сестрой жить остался. И ничего, справлялись. И вдруг мамаша приезжает с каким-то мужиком, говорит, что замуж за него выйдет, меня в город заберёт, в городскую школу пойду. И забрала. Я тогда в восьмой класс пошёл. С отчимом отношения у меня сразу не заладились. А знаете, как городские не любят нас, деревенских? Мы для них «колхозники». Так вот. Как только мы переехали, я гулять пошёл, а тут мне на пути местные «мажорики» попались. Ну, слово за слово – и понеслась перепалка. Я же не из робких, за себя постоять могу. Их четверо, а я один. Они меня на землю повалили и пинать начали. Я сначала просто лицо руками закрывал, а потом орать начал на весь двор, озверел и вцепился зубами в руку одного, да так, что до крови. Они вдруг испугались и побежали от меня, а я вскочил на скамейку и завыл, как волк-оборотень, им в след. Дома меня, конечно, отругали. На следующий день я снова встретил этих «убогих». Они мне ни слова не сказали, только весь двор «Волчарой позорным» называть меня стал. Я соответственно бесился, гонялся за другими детьми. А потом началась школа, и, как оказалось, эти придурки тоже учились там. Вот и разнесли по всей школе сплетни, что я – псих. Да и вёл я себя соответствующе. Больше боятся, значит, меньше достают. А дальше влился в свою «весёленькую» компанию, где такие же отморозки, как я. Что было дальше, вы уже знаете, – закончил Ваня.

Мне хотелось смеяться. Не знаю почему, но смеяться. Может, потому, что своим рассказом Жмаков до конца доказал мне, что он неплохой парень, а может, это был не смех, а подступающая истерика...

- Ваня, а как на чувашском языке будет «Волк»?
- Кашкор.

В этот день я вернулась в общежитие поздно. Не буду утруждать вас долгим рассказом о бессонной ночи, полной тяжёлых размышлений о том, как помочь мальчишке. История же не об этом. Давайте сразу перенесёмся в день, в который продолжит эту историю...

С самого утра я для себя решила, что ещё раз поговорю с Ваней, скажу ему, что он замечательный парень, что ещё всё можно изменить, если захотеть, что мы обязательно пристроим Найду, что проблемы с родителями — это временно, что всё будет хорошо. По дороге на практику, стоя в переполненном троллейбусе, я сочинила целую речь и повторила её про себя раза два, словно убеждая себя в своих же мыслях. Но последняя парта оказалась пустой сегодня, и на следующий день, и до самого конца практики. Жмаков не пришел... А мне не хватило совести, сил, педагогического опыта, твёрдости духа и мудрости возраста, чтобы сходить до дач и повидаться с ним.

И вот настал последний день практики. Итоговый урок, а потом снова я вернусь в привычный универ. По традиции на занятие пришли декан факультета, педагоги и директор школы. Ничего не предвещало беды, но за пару минут до звонка в кабинет молча зашёл Ваня Жмаков. По сочувственному взгляду директора школы, который словно говорил: «Ну, всё. Сейчас начнётся. Считай, ты завалила практику», я поняла, что ждать помощи и защиты мне не придётся. Однако Кашкор за весь урок ничего не учудил, как и обещал. Даже что-то писал в тетради. Одним словом, не подвёл. После звонка мне так хотелось поговорить с ним, что, забыв о собравшейся в кабинете комиссии, я вышла в школьный коридор, чтобы догнать своего ученика. Однако декан меня остановила, сказав, что надо бы сейчас, пока комиссия в сборе, разобрать мой урок. И вот я сижу перед педагогами, которые раскладывают по полочкам мои ошибки, дают советы и даже время от времени хвалят. А в голове только мысли о том, что я не сказала ему тех тёплых слов – слов поддержки. И снова слёзы и обида. Учителя, естественно, сослались на стресс, полученный мной от перенапряжения. Никому и в голову не пришла бы мысль о том, что один недопедагог может реветь по школьному бандиту...

Закончив обучение, я вернулась на родной Север. Прошёл не один год с той истории, у которой, кстати, счастливый конец.

В Чебоксары я вернулась уже спустя несколько лет. Но не как студентка, а как гость. И только тогда судьба вновь свела меня с Ваней.

В одном из маршрутных такси я услышала знакомое «тётечкаучительница». Оборачиваюсь.

– Ваня! Ваня Жмаков! Вот это сюрприз! – восхищаясь случайной встречей, весело сказала я. – Ничего себе, как ты изменился! Возмужал!

Позади меня сидел мой уже повзрослевший волчонок. Те же светлые волосы и голубые глаза, та же манера одеваться в спортивном стиле, но нет запаха гари, вся одежда чистая, а главное — улыбка. Это светлое и уже совсем не ребяческое лицо, оказывается, обладает прекрасной широкой улыбкой, а не звериным оскалом. Мы разговорились. Я узнала, что

выпускные экзамены он кое-как сдал и после девятого класса пошёл учиться в техникум. В армию он не годен из-за слабого здоровья. Сейчас подрабатывает в машинной мастерской и дополнительно чинит компьютеры на дому. От родителей съехал сразу же, как представилась возможность. Живёт пока что у друга. И даже набил себе татуировку с изображением волка. А сейчас едет на свидание. Хотелось, конечно, спросить про Найду, но я воздержалась, понимая, что не стоит вскрывать старую рану.

Перед моей остановкой мы тепло распрощались.

Маршрутка поехала дальше, а я всё провожала её взглядом, пока она не скрылась за поворотом. Некоторое время я просто стояла, дыша пыльным воздухом, и улыбалась сама себе.

— А мальчишка-то справился! Выбрался! Смог! Доброе сердце всегда найдёт нужную дорогу. Молодец, Ваня! Ты оказался человеком с сильным характером. Ты — настоящий Кашкор! Ауууууу!

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны

(номинация «Имя»)

Родился в с. Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Окончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького (семинар Н. Н. Сидоренко, 1982). Автор тринадцати книг стихов, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Набережных Челнах. Лауреат литературных премий им. Г. Р. Державина (Казань, 2005), «Ладога» им. Александра Прокофьева (Санкт-Петербург, 2009), им. Марины Цветаевой (Елабуга, 2016), им. Николая Рыленкова (Смоленск, 2017), золотой лауреат международного литературного конкурса «Лучшая книга года» за книгу избранной лирики «Дальние луга» (Германия, 2018), Серебряного Международного обладатель витязя славянского литературного форума (за ту же книгу, 2018). Главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЗУРБАГАНА

Вечером принесли телеграмму: «Руслан умер...» Я долго и тупо разглядывал текст и никак не мог понять, почему два этих слова стоят рядом. Всего лишь месяц назад он появился у меня в час ночи — немного уставший, чем-то взбудораженный, но радостный от того, что снова в Челнах. Он завернул на КамАЗ из своего родного Чистополя, куда привёз к родственникам на лето сына Юру. До четырёх мы просидели на кухне, спать уже не хотелось, а когда кончилось курево, Руслан сказал:

- Грех в такое утро дома сидеть, пойдём по городу, наших разбудим.
- Ты же устал.
- Всё равно не усну...

В 1971 году Руслан был среди тех, кто пришёл на первое занятие набережночелнинского литобъединения «Орфей». Ребята собрались вечером, отработав смену на стройке. Почти на всех были резиновые сапоги и ватники, причём на каждом ватнике несмываемой краской или извёсткой было написано название только что покинутого родного города. И эти атрибуты были не модным поветрием, а необходимостью — сапоги помогали форсировать непролазную строительную грязь, а по надписям земляки узнавали друг друга. В те годы такие узнавания были радостными, шумными. Они часто перерастали в дружбу.

«Отцом» литобъединения, то бишь его первым руководителем, провозгласил себя Валерий Суров, впоследствии ленинградский писатель, а в то время начинающий прозаик, успевший к своим двадцати пяти годам поработать слесарем на заводе, проходчиком в забое, корреспондентом в

газете. На КамАЗе он работал монтажником. С Русланом они были ровесниками. Когда все перезнакомились и сборище более или менее угомонилось, Валера ошарашил молодые дарования вопросом:

– Выкладывайте, кто зачем сюда пожаловал: кто хочет сразу печататься, а кто хочет учиться писать.

Дураков не нашлось, и все решили сначала поучиться. И только Руслан молчал.

- Ну, а ты зачем пришёл? спросил его Валера.
- Да вот, думал земляков встречу.
- А откуда ты?

Руслан повернулся к благородному собранию спиной. На ватнике его красовалась надпись «Зурбаган».

– Это где же такой город? – выдал кто-то нечаянно свою литературную неосведомлённость.

Руслан разочарованно вздохнул:

– Грина надо читать.

Более проницательные и начитанные (особенно девушки) отреагировали по-другому:

- Руслан, миленький, да мы тут все твои земляки!
- Сомневаюсь...
- Грина любишь? Ты что мечтатель? вклинился в разговор Суров.
- Да, продолжал иронизировать Руслан. У нас с Грином было трудное детство. Нам ничего больше не остаётся только мечтать.
  - А что пишешь стихи или прозу?
- Верлибры. Справка для неграмотных: верлибры это безразмерные стихи. Я недавно в «Литературке» вычитал: «Зачем стихам размер? Ведь это ж не ботинки»... Если хотите, я вас немного поэпатирую.

Руслан говорил, слегка заикаясь. Заинтриговав всех и выдержав паузу, он прочёл:

Белая лошадь под розовым зонтиком чёрную воду старательно пьёт...

- А дальше?
- − Bcë.
- Негусто, сказал Валера, хотя и занимательно. Только непонятно, почему ты считаешь эти стихи безразмерными. Это же дактиль! Прочти ещё что-нибудь.
  - Пожалуйста:

Сегодня думал я о смерти, бродил по лужам, щурился на солнце. Сегодня встретил я двадцать девять беременных женщин. И решил, что не страшно умереть.

Кто-то засмеялся. А Суров впервые посмотрел на Руслана серьёзно и оценивающе. И уже без иронии сказал:

– Вот это – настоящее. А про лошадь фокусы.

...Господи, как давно и как недавно всё это было! Мы вспоминали по пути «орфеевские» были и легенды, когда действительно двинулись к Пашке Юлаеву и Инке Лимоновой, заранее зная, что они не обидятся за столь ранние визиты, а, напротив, обрадуются, увидев Руслана. Так и было... Мы шли по едва начинавшему просыпаться, по уже нагретому ранним летним солнцем городу, в котором провели свои молодые годы, в котором я остался, потому что здесь моя родина, а он шесть лет назад переехал в Москву, потому что из «орфеевских» пелёнок давно вырос. Руслану хотелось, как он однажды сказал, чтобы профессиональная писательская среда проверила на зуб – крепкий ли он орешек.

В столицу он приехал поздней осенью с пустыми карманами и с сумкой через плечо, сшитой им самим из мешковины. В сумке лежали рукописи рассказов, которые Руслан начал писать в последние камазовские годы, и тех самых верлибров. Некоторые стихи я помню наизусть и, наверное, буду помнить всегда. Как они запали в душу, так там и остались:

Внезапно разлюблю, разбившись о воспоминания, и буду долго смотреть в холодное небо, пока ты не растаешь в синеве дальним облаком...

Но оказалось, что времена Велимира Хлебникова давно прошли, и Москва уже давно даже поэтов принимает по одёжке. Несколько месяцев Руслан провёл на грани отчаяния. Прописаться по лимиту и устроиться на работу оказалось не так-то просто. Нужна была куча справок, которых у Руслана, естественно, не было.

Впрочем, к тридцати годам такого рода трудности ему были не в новинку. Детство его прошло почти без отца... Человека, говорят, формирует окружающая среда. Если бы Руслан смирился с этой житейской «мудростью», он бы легко мог оказаться на дорожке, печально известной многим юным правонарушителям из так называемых трудных семей. Но мужество души человеческой заключается, может быть, в умении не поддаваться искушению неблагоприятных обстоятельств, в любых условиях оставаться способной к милосердию, состраданию, жертве, смелому поступку. Собственно говоря, вот об этом Руслан и писал. Чаще всего он исследовал собственный характер, его истоки.

Руслан сумел противостоять среде. Он воспитывался сам, по капле выдавливая из себя раба неблагоприятных обстоятельств. Конечно, при

такой напряжённейшей работе души без потерь не обходится. И даже его близкие друзья не всегда понимали, что яростность его характера, непредсказуемость его поступков — от неутолённой жажды добра, от какого-то природного, инстинктивного желания немедленно восстановить справедливость. Руслан ненавидел любую фальшь в человеческих отношениях и чуял её за версту. В людях он ошибался редко, а молчать не умел...

Мир, говорят, всё-таки не без добрых людей. Интерес к литературе у подростка Руслана сумел пробудить казавшийся странным в провинциальном Чистополе, интеллигент по фамилии Мизандронцев, «сиделец» сталинских времён, бог весть откуда взявшийся там. К таким необычным личностям Руслана всегда и тянуло. Была у него и бабушка — неграмотная, но мудрая татарка, которую потом в своих рассказах о детстве он ласково назовёт «абийкой». Она передала внуку великую науку бескорыстия.

Вот и в Москве Руслану неожиданно повезло на хорошего человека, которого он встретил в редакции журнала «Новый мир», куда пришёл в надежде получить гонорар, ибо к тому времени два или три его верлибра были там опубликованы в рамках первой столичной «орфеевской» подборки. Этим человеком был поэт Арво Метс, выпускник Литинститута, ныне покойный, но остающийся в современной русской поэзии одним из лучших верлибристов. Он и услышал, и понял, и вошёл в положение. Какое-то время Руслан жил в квартире Арво Антоновича и его добрейшей жены Натальи Ниловны, коренной москвички. С помошью Арво ему удалось устроиться по лимиту проходчиком «Метростроя», а потом – вторая удача. На каком-то из поэтических вечеров он встретил маленькую, глазастую, смуглую, тонкую, нежную, умную Лиду, которая вскоре стала Галимовой. Она до сих пор верна памяти Руслана. «Проклятый» квартирный вопрос разрешился благодаря обмену квартиры родителей Лиды. В результате молодые оказались в двух комнатах большой коммуналки на Красной Пресне.

Вскоре трое из нас, оставшихся в Набережных Челнах, поступили на заочное отделение Литинститута, и каждый раз, приезжая на сессию, мы встречались с Галимовыми, радуясь тому, что судьба Руслана на глазах меняется к лучшему. У него появилась семья, а также своя комната, в которой никто не мешал стучать на пишущей машинке. Руслан начал заниматься в литературной студии при Союзе писателей СССР (семинары Сергея Львова и Александра Проханова). Они разглядели в бывшем «орфеевце» дар прозаика, направив его в самобытное русло.

Кстати, о самобытности. Руслан показал мне однажды внутреннюю издательскую рецензию, в которой его рассказы определялись как «постшукшинские» или «поствампиловские». Если говорить о традиции, то, может быть, это и верно, ибо, как известно, на голом месте ничего не растёт. Без творческого принципа «Нравственность есть Правда», выстраданного Василием Макаровичем Шукшиным, Руслану вообще

представлялось немыслимым браться за перо. Он чувствовал это всей кожей. Он нёс людям правду о своём времени, о той среде, в которой жил, работал, мучился и любил.

Он был абсолютно глух к конъюнктуре. Как-то я показал несколько его рассказов знакомому прозаику. Тот прочёл и, отметив талантливость рассказов, сказал, что больше всего завидует наивности их автора. Он, дескать, пишет, словно не зная, что всё это невозможно опубликовать.

А ведь верно. Руслан искренне удивлялся, когда ему возвращали из редакций такие вещи, как, например, «Два портрета» или «Осечка с двумя завитушками», казавшихся в советские годы запретными. А что, в самом деле, в них запретного? Безоглядная искренность, глубина переживаний, неожиданность и неоднозначность ситуаций? Так ведь это и есть настоящая литература. Ныне, слава Богу, она вроде бы пробилась сквозь все бюрократические «нельзя!», «не пущать!». Только горько, что не все настоящие писатели, в том числе и молодые, дожили до светлого дня.

Конечно, была какая-то литературная школа, в которой брал уроки Руслан Галимов. Но вряд ли тут следует ограничиваться одним-двумя именами. Обладая богатой интуицией, он безошибочно находил близкое у классиков и у современных писателей, соотносил, сравнивал это с тем, что пытался сделать сам. В последние годы его тянуло, например, к творчеству Чехова. Не будем забывать и о сохранённой с детства любви к Александру Грину. Кто знает, может быть, именно из такого странного, на первый взгляд, сплава мечты и суровой реальности выходили персонажи рассказов Руслана, главным из которых был он сам. От многих своих ровесников он отличался как раз «лица не общим выраженьем», что заметили такие известные мастера, как Юрий Нагибин, Юрий Трифонов, Олег Попцов. Рассказы и стихи Галимова появились в еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Сельская молодёжь», альманахе «Парус», журнале «Литературная учёба» и других центральных изданиях.

«Главное для меня, — не раз говорил Руслан, — найти интонацию. Есть интонация — есть писатель». Сейчас, когда я перечитываю его рассказы и стихи, мне кажется, что от найденных им интонаций проистекает свет, печаль и нежность самого Руслана. Язык его рассказов скуп, прост и точен, а богатство интонаций, как некий музыкальный фон, создаёт объёмность и многомерность его коротким и незамысловатым сюжетам. Я читаю и думаю, вспоминая надпись «Зурбаган» на камазовском ватнике Руслана, что нелегко было оказаться его другом, но ещё труднее стать его литературным земляком.

На седьмом Всесоюзном совещании молодых писателей, проходившем то ли в 1976, то ли в 1977 году, рукопись рассказов Руслана Галимова была рекомендована издательству «Молодая гвардия». Под названием «Сказочник» эта рукопись вошла в книгу трёх молодых авторов и была удостоена диплома ЦК ВЛКСМ. Как нужна была эта поддержка Руслану, как бы она помогла ему, редко встречавшему в жизни не только

признание, но и понимание. Но увы... До выхода этой книжки он не дожил несколько недель.

Та нелепая телеграмма оказалась верной. Руслан Галимов умер 11 августа 1982 года от лейкоза — острого заболевании крови. Болезнь скрутила его за неделю. Знал ли он о её существовании раньше — остаётся только предполагать. Похоже, догадывался, хотя и никому не говорил об этом...

Руслан догадывался о многом. Его проза, его стихи полны предчувствий надвигающихся катастрофических сдвигов, о которых он не мог молчать. Но кто бы послушал!

Сыграем в войну, пока земля, двигаясь по орбите, ещё не знает, что началась последняя охота. Я спрячусь за угол дома, а ты меня будешь выслеживать, и я буду прятаться, чтобы ты не убил меня, когда я выгляну, обманутый тишиной и миром.

И долго будет пуля лететь...

И убьют меня, и будут длинные похороны, на которых отсалютуют из тех же винтовок, из которых расстреливали себе подобных.

Написано в конце семидесятых. А ныне впечатляет, как поэтический репортаж о событиях октября 1993 года в Москве (расстрел Белого дома). Да и девяностые годы, названные лихими, угадываются в этих строчках. И не только они...

Руслан по ночам, недосыпая, пока не лёг в больницу, продолжал работу над рукописью второй книги. Наверное, он торопился.

В последние годы он тянулся к своим близким и друзьям с какой-то особенной нежностью, словно спешил отдать каждому что-то хорошее, за что-то отблагодарить. Его жена Лида вспоминает: «Было часов шесть вечера, когда он вернулся из Набережных Челнов, уставший и измотанный. Тут отдохнуть бы, расслабиться. Но вдруг Руслан вспомнил, что именно сегодня обещал приехать к одному из своих друзей в Обнинск. Тот прислал тревожное письмо, плохо было человеку».

И Руслан вновь заторопился в дорогу. Он, как никто из нас был лёгок на подъём, особенно если надо ехать туда, где нужна его помощь...

СЕРГЕЙ ПИДЕНКО, Россия, Самарская обл., г. Тольятти

(номинация «Имя»)

Поэт, прозаик, журналист, музыкант. Родился 23 октября 1960 года на Дальнем Востоке. Окончил Московский энергетический институт. Жил, учился, служил, работал в Средней Азии, на Дону, в Тольятти, Казахстане, Москве, Ленинграде, Хакасии, Белоруссии, на Диксоне. Автор книг «Сотворение Бога» (2000), «Прогулки по крепостной стене» (2014). Печатался в литературных изданиях «Alter Ego» (Белоруссия), «Город», «Графит», «Литературный проспект», «Вольный город», «Антология литературы» (Тольятти), «Литереда» (Самара), «Новая независимой руководил реальность». Долгое время клубом авторской «Бардовская среда» (Тольятти), лауреат и дипломант фестивалей авторской песни.

СЕРЕБРЯНАЯ ТРУБА АРАМА

Почему-то никак не могу вспомнить его лицо. Фигуру помню — маленькое, даже щуплое тело в мешковатом «хабэ» с несоразмерно большой головой над худыми ключицами. Эта несоразмерность придавала ему какой-то детский вид. Да он и был ребёнком — в свои восемнадцать с небольшим смотрел в мир по-детски удивлённо и немного настороженно... Вот имя никогда не забуду — Арам. Нормальное армянское имя, но совершенно непривычное для европейского уха. Если прочитать наоборот, получится «мара» — «мечта» по-белорусски. А на фамилию его я вообще, как охотничья собака, сразу стойку сделал. Я ещё в институте Сарояном болел. На все спектакли по его пьесам ходил. И томик его прозы в переводе с английского у меня на полке стоял. «В горах моё сердце»...

А тут вхожу в штабную дежурку, а там сидит маленький чернявый кавказец, увидел меня и вскочил, как чёртик на пружинке, большой рот в испуганной улыбке растянут, а руки суетливо пилотку задом наперёд на голову натягивают. Это не потому, что он погоны мои сержантские увидал, просто шушера наша армейская уже в первую неделю приучила их перед каждым «стариком» в струнку вытягиваться (я ещё со своего карантина помню, как любой полугодишник «дедом» казался).

– Садитесь, – говорю, – товарищ солдат (никогда не любил фамильярничать и «тыкать» тем, кто вынужден меня на «вы» называть). – Новенький? Как фамилия?

А он опять вскакивает и рапортует:

– Военный строитель-рядовой Ароян!

Вот тут-то я стойку и сделал.

– Вот как, – говорю, – Ароян? А к писателю Сарояну Вы никакого отношения не имеете? Или просто фамилии похожие?

Он улыбнулся растерянно и одной фразой уложил меня. Наповал. – Его отец, – говорит, – двоюродный брат моего дедушки был...

Вот так его и звали. Арам Ароян.

Он был трубачом. Не знаю, была ли у него какая-нибудь другая профессия. В военно-строительных войсках из него пытались сделать землекопа. Будь он пианистом, им бы это удалось наверняка: в клубе у нас не было фортепиано, и с собой из дома его не привезёшь, а трубу – трубу он привёз. (Не знаю, как правильно назывался этот инструмент – серебристый, с тремя кнопочками, похожий на пионерские горны, только те были медные и почему-то всегда помятые – дрались ими, что ли? А этот - сразу видно было, что серьёзный музыкальный инструмент: благородно сияющий, одна деталь плавно перетекает в другую...) И замполиту нашему – тридцатилетнему капитану с холёным лицом – пришло в голову, едва он про эту трубу узнал, утреннюю побудку и отбой вечером сигналом трубы обозначать. Я его понимаю: мы все на гайдаровской военной романтике выросли, и для многих из нас посреди тогдашней всеобщей сытости, лени и вранья серебряные трубы нет-нет да и звучали. А может, что вернее, ему просто хотелось замполитам соседних частей нос утереть: у них нет такого, а у нас – есть...

Так Арам и выходил по утрам — сонный после ночных сержантских игр в «подъём-отбой», любовно пробегал пальцами по клапанам — мягко ли ходят — делая смешные гримасы, старательно разминал губы: округлял, вытягивал в трубочку, растягивал в подобии улыбки, замирал на несколько секунд, словно прислушиваясь к чему-то, что мог слышать только он один (как я завидовал этому мгновению!)... Потом оглядывался на освещённое окно дежурки, откуда дежурный по штабу, следящий за часами, подавал ему знак, и подносил мундштук к губам. На несколько мгновений для меня наступала абсолютная тишина ожидания... А потом — в утреннее небо вонзался чистый звенящий клинок сигнала, легко и решительно отсекая ночь ото дня.

Весь день труба отдыхала в чёрном дерматиновом футляре, куда Арам, бережно протерев сверкающий металл фланелью и прочистив специальной щёточкой мундштук, укладывал её после утреннего выступления. Сам же трубач в это время с остальными сослуживцами трудился над рытьём траншеи на ударном объекте пятилетки, восемь часов в день перекидывая с места на место глину и песок.

Вечером обряд повторялся, но в это время он не трогал меня: переход от шумного дня к тишине ночи не требовал такого яркого действа, как утром.

Арам иногда играл для нас, солдат-штабистов, минут тридцать-сорок (мне хватало этого, чтобы очистить душу от суеты и усталости) какие-то

классические пьесы, армянские мелодии и джазовые композиции: Армстронг, Гершвин, Бернстайн. Я его не просто слушал — впитывал, вбирал сердцем, всей сутью своей. Заворожённо ловил глазами блики на серебряной поверхности, следил за пальцами, нежно перебирающими клапаны, и с восхищением всматривался в его одухотворённое лицо (надо же — своё восхищение помню, а его лицо нет!). И странно: меня хорошей музыкой не удивить — я, пока в Минске учился, нередко на концертах бывал и таких музыкантов слушал — но Арам со своей трубой вызывал во мне восторг новообращённого. Если в самом деле есть ангелы на небесах, и они действительно наполняют небесные сферы божественной музыкой, Араму самое место среди них.

Эти вечера и подсказали мне идею избавить Арама от каждодневной подёнщины на стройке. И повод подходящий вскоре представился: у когото из напарников Арама лом из рук выскользнул и трубачу нашему едва запястье не раздробил. Пока раненый в медсанчасти отсиживался, я как батальонный комсорг к замполиту пошёл, статистику травм и увечий в отряде за последние полгода привёл, напомнил, что через месяц на базе нашей части совещание политуправления округа проходить будет, и было бы неплохо, если б начальник политуправления слышал по утрам нашего трубача...

В общем, когда Арам вышел из санчасти, он уже числился штатным работником батальонного клуба. (Ротный возражал, конечно, да кто его слушал!) Я знал, без сомнения, что благими намерениями путь в ад вымощен, но кто мне мог подсказать, что это и к моим благим намерениям относится!

У Арама свободного времени стало — не меряно! И сколько мы с ним за эти месяцы переговорили. Я в первый раз встретил человека, так связанного с судьбой своего народа. От Арама я впервые «живьём» услышал, как армяне отстаивали веру свою и культуру, временами чуть не в катакомбы уходя, как население целого государства — женщины, дети, старики — мучеником за веру становилось... И первый раз тогда я о Комитасе узнал — композиторе, гордости армянского народа. Он сошёл с ума, видя муки друзей и близких. Арам рассказывать не мог — рыдал. И я был не в силах его успокоить, потому что рыдал сам.

Меня поначалу удивляло, как Арам в строительных войсках оказался: здоровый, грамотный, с законом в ладах (у нас кого ни возьми — подобрались косые, хромые, уголовники. Я так вообще соцветие пороков: очкарик, гипертоник, да ещё и у гэбэшников на заметке в силу романтизма излишнего). У Арама всё-таки оказался пунктик в биографии. Он не сразу признался, что его семья семь лет назад в Союз из Ливана перебралась. Так что доверять ему у наших властей оснований, естественно, не было. Арам

ещё в Ливане, восьми лет от роду, как трубу к губам прижал, так уже и не выпускал из рук. В маленьком армянском городке, где он с семьёй оказался, даже музыкальной школы не было, кто его учил? Сосед ноты показал — до этого парень исключительно на слух мелодии подбирал, — по выходным и праздникам жители окрестных домов что-то вроде музыкальных вечеров устраивали: кто на чём умел, тот на том и играл, а кто не умел, в ладоши прихлопывал — вот и вся школа.

Я получал удовольствие от общения с Арамом тем большее, что истосковался по таким разговорам. Даже не столько разговорам – атмосфере чистого, доверительного общения, не отравленной крутой похабщиной и сальностями, непременными в армейском коллективе, рассказами о самоволках и пьянках.

И так увлекательно было слышать, как Арам говорил о музыке. Наверное, я оказался не очень хорошим слушателем: двадцати лет не прошло, а я уже почти не помню имён джазистов, восхищавших его, названий его любимых пьес и многого, слишком многого я уже не помню. А ведь для него в этом была вся жизнь. Мы с ним почти не говорили о женщинах — он ещё не успел никого полюбить. О музыке он говорил так, как я — о любимой женщине. Как я подмечал бы неповторимые чёрточки в характере, поведении, речи, лице любимой, так он собирал особенности в исполнении Бенни Гудмена (или кто там ещё есть из выдающихся джазистов?)

Не могу понять, как в те годы в маленьком армянском городке он умудрялся находить их записи и впитывать звуки, наполнявшие его светом? Половину его слов в эти моменты составляли разнообразные по тону «та-та-ти» и «ти-ти-та», а ещё «пам-ба-ба-ба-ба» и «у-ва-ва-ва-ва». Так звучали разнообразные духовые в его исполнении. Но наступал особый момент, и Арам хватался за свою трубу (может, когда был уверен, что исполнение окажется не хуже оригинала). В маленьком пространстве моего штабного кабинета голосу его трубы становилось тесно (иногда мне даже казалось, что я представляю, как были разрушены стены Иерихона), он метался от стены к стене, неистово бился о потолок, испуганно дребезжали оконные стёкла, по комнате носился тугой вихрь звука, а посреди всего этого стоял Арам, широко расставив чуть согнутые в коленях ноги, активно двигая локтями (словно нагнетал воздух в лёгкие), закрыв глаза в упоении, и улетал вслед за вдохновенной волной звука, исторгаемой его трубой, оставляя внизу не очень устроенный, временами совершенно неудобный мир, улетал, увлекая за собой меня. И судорожно трепыхалось, и замирало моё сердце, впервые поднятое на такую высоту вдохновения и восторга перед музыкой, порождённой божественной трубой вполне земного армянского юноши. И вдруг звук обрывался, и я, обескрыленный, ошарашенно летел вниз, не успевая надеяться на спасение, и перед самой землёй меня подхватывала мягкая волна свинга и вновь увлекала вверх, к сверкающей горней высоте. И в этот миг я, атеист, знал, что Бог есть, неоспоримым доказательством его существования была труба Арама!

За этим занятием нас и застал как-то начальник штаба, две недели как назначенный на эту должность после 12-летнего сидения на должности командира роты в соседнем батальоне и весьма решительно нацеленный на перестройку батальонного распорядка. Вся страна бодро чистила и перестраивала свои ряды, направляемая твёрдой рукой нового генсека, с чекистской уверенностью усматривавшего в любом колебании и своеобразии опасные ростки расхлябанности. И армейский трубач, тративший служебное время на джазовые композиции, несомненно подлежал упорядочиванию. Место Арама было на ударной стройке пятилетки, и уже на следующее утро, отыграв положенный сигнал побудки, Арам вместе со взводом отправился долбить мёрзлую землю и таскать с места на место носилки с гравием.

Лишь однажды мне удалось на пять минут остановить Арама у входа в кинозал батальонного клуба. Трубач говорил неохотно, отводя в сторону усталый потухший взгляд. На мои настойчивые расспросы о житье-бытье в казарме сухо отвечал, что живётся ему нормально, никто его не трогает и вообще всё хорошо...

Я не выдержал, рявкнул в сердцах:

– Чёрт побери, Арам! Не морочь мне голову! Я же тебя не бросил и способен тебе помочь, только не прячься в раковину.

И он впервые за весь разговор посмотрел мне прямо в глаза – на мгновение я увидел прежнего Арама.

- Товарищ сержант, он так и не привык обращаться ко мне по имени, я должен научиться справляться со своими проблемами сам.
- Ах ты, душара чмошный! выскочил откуда-то сержант, командир Арама, и замахнулся злобно, вечно тебя по разным углам выискивать надо!

Арам втянул голову в плечи и потрусил в полумрак зрительного зала. Сержант, делая вид, что не замечает меня, цыкнул ему вслед.

- Слушай, командир! ухватил я вояку за плечо, очень не советую тебе зря обижать этого парня. Он может то, чего никто из нас не умеет отнесись к нему повнимательнее.
- Слушай, комиссар, в тон мне отозвался сержант, по-прежнему старательно не глядя в мою сторону, это мой солдат. И отвечаю за него я. А ваши с ним «тра-ля-ля» вечерами остальных солдат мне портят. Так что иди себе ровненько в... в штаб.

И я отступил, рассчитывая в понедельник поговорить об Араме с командиром батальона. У меня была надежда при поддержке замполита и моего ротного перетянуть его к себе. И не знал я ещё, что отложив новую

встречу с другом до конкретного результата переговоров, безнадёжно упустил время.

В понедельник утром он встретился мне после утреннего развода – когда залезал на машину, развозившую солдат по рабочим объектам.

«Арам!» — окликнул я. Он обернулся было, уже занеся ногу над задним бортом фургона, но увидеть меня не успел — его подталкивал снизу напарник, взбиравшийся по лестнице.

«Ладно, – сказал я себе, – вечером. Вечером я всё решу». И решил. Почти решил. Уже к обеду я заручился поддержкой командира роты, перед вечерним разводом побеседовал с замполитом, и он заверил меня, что сразу после развода перемолвится с комбатом с глазу на глаз, пока начальник штаба будет проводить совещание с офицерским составом.

Но комбату оказалось не до разговоров со мной. «Шестеро из первой роты не вернулись с объекта», — сообщил мне дежурный по штабу. В первой роте служил Арам, но я ещё не услышал звонка тревоги. Он прозвучал позже, когда от комбата вышел раздосадованный замполит. На мой немой вопрос капитан только отмахнулся раздражённо: «Отчебучил твой Арам. В самоволку слинял, музыкант хренов».

Арам? В самоволку? Быть такого не могло. Ему просто некуда идти в этом городке. Можно, конечно, сорваться просто так, ради ощущения свободы. Но я уже не мог найти себе места.

Через полчаса в коридоре раздался шум: крики, возня, какое-то мычание, топот множества ног.

- Открывай клетку! возбуждённо заорал уже знакомый мне сержант, волоча за шиворот низкорослого солдатика в засаленном бушлате.
- Напился? осведомился дежурный по штабу, гремя ключами у решётчатой двери.
- Нанюхался! сообщил сержант, пинком вталкивая бедолагу в «клетку».

Тот брякнулся на пол и со стоном повернулся на спину – я увидел незнакомое мне лицо. Следом втащили ещё четверых в таком же состоянии. Арама среди них не было.

- А где шестой? нарочито равнодушно полюбопытствовал я, избегая упоминать Арама по имени.
- Ароян-то? уточнил сержант, окинув меня небрежным взглядом. Накрылся твой Ароян. В морг его повезли, музыканта твоего. Кайфанул, что называется...

...Перед самым концом работы один из шестерых притащил банку с какой-то жидкостью и пообещал классный кайф. Спрятавшись в рабочей бытовке, они разлили эту гадость в металлические суповые плошки и принялись вдыхать дурманящие пары, ожидая обещанного наслаждения. Почему с ними пошел Арам, всегда с брезгливостью смотревший на пьяных? Какая пружина сорвалась в его душе, что хотел он заглушить в растревоженном сознании? Вряд ли он успел получить удовольствие. Этот химикат вызвал в его организме аллергическую реакцию, произошёл отёк лёгких и гортани, и он просто задохнулся...

В часть приехали родители Арама. Несчастным старикам невозможно было объяснить, как это случилось. Меня просто затрясло, как только я увидел его мать с совершенно белыми глазами на закаменевшем лице. Я не смог даже подойти к ней и сказать полагающиеся в таком случае слова утешения. В голове билась только одна мысль: Арама нет и больше никогда не будет...

Только после их отъезда я обнаружил под столом в углу дежурки трубу. По моему разумению, инструмент следовало вернуть родителям Арама, но замполит решил по-своему. Он разыскал новобранца, знающего в какой конец этой штуки дуть, и через две недели после гибели Арама его труба вновь стала звучать утром и вечером. Минуты эти стали для меня сплошным кошмаром. Парень брал верные ноты, врать не буду, но в трубу надо было вдувать не воздух, а душу, а вот этого он не умел.

Потом, когда я вернулся в Минск, мне очень захотелось рассказать об Араме друзьям, но почему-то вдруг стало стыдно говорить правду о том, как он погиб. Как мне было рассказать о человеке, олицетворявшем для меня судьбу и надежды народа, прошедшего крестный путь испытаний на верность своим корням, человеке с незаурядным будущим, умиравшем в луже мерзкого химиката среди кайфующих солдат-строителей, погибшем от того, что несколько человек тупо исполняли свой долг?

И я придумал ему героическую смерть. В моих рассказах он погиб при испытаниях ракетной шахты, в строительстве которой он якобы принимал участие. Мне казалось, что такая смерть не унижает трубача. И я врал, вдохновенно врал, описывая подробности трагической гибели Арама, рассказывая, как мужественно он боролся за жизни своих сослуживцев и погиб потому, что на себя времени уже не оставалось.

И враньё это не тяготило мою душу — до поры. Пока я не понял, в какой стране живу. Пока не понял, что она остаётся и останется такой благодаря и моему вранью. И то, что я сам сумел поверить в своё враньё, усугубляло, а не смягчало мою вину. Пока я не понял, какой тяжести камень лежит на моей душе. И сейчас я хочу снять этот камень. Очень хочу, но не могу. Потому что ни ложь, ни правда о его смерти не вернут

Арама и его талант на землю, где он так много мог сделать, но не сделал, в мир, который он мог наполнить своей музыкой, но не наполнил. Потому что я не в силах вернуть последнего трубача моей юности.

Но серебряная труба его ещё звучит в моей душе, не давая забыть, что есть высоты, к которым должно стремиться. Ещё звучит...

ТАТЬЯНА ШАХЛЕВИЧ, Россия, Республика Крым, с. Абрикосовка

(номинация «Имя»)

Родилась в 1957 году в Крыму. Закончила Могилёвский библиотечный техникум в Белоруссии и Гродненский пединститут. Работала учителем в школе, директором районного Центра социальных служб для семьи, детей и молодёжи. Заслуженный работник социальной Республики Крым. Автор многочисленных рассказов краеведческих очерков. Публиковалась В российских, украинских, белорусских изданиях. Призовые места в литературных конкурсах «Славянские традиции» (2019, 2020), «Калининград – янтарный берег» (2020), «Я к вам пишу» (2021), «Чеховская осень» (2021).

СЫЧИХА

В апреле 1950 г. крымское село встречало переселенцев из Чувашии. Машины остановились у конторы колхоза. Первой из кузова спустилась стройная, ладная женщина лет сорока. Сняла платок с головы, вытерла им пот со лба, улыбнулась и спросила:

– Водицы испить кто-нибудь подаст?

Молодая учётчица мигом вынесла графин с водой. Не спеша, смакуя, прикрыв карие глаза, переселенка утолила жажду, промакнула губы платком, отдала графин.

– Меня Нюрой Сычовой кличут.

Шум, гам, матерки, смешки, плач детей, лай собак. Наконец расселили тринадцать семей в домики ранее депортированных греков, болгар, татар. Почти всем чувашским выделили жильё на одной очень длинной улице. Нюре с тремя детьми достался домик из двух комнат, без полов и печки. Погода хоть и стояла тёплая, но дом за зиму охолонул, отсырел. Нюра, обойдя подворье, насобирала веток под старым абрикосом, нашла несколько кустов перекати-поле, каких-то полусгнивших тряпок и разожгла костёр. Нагрела воды в ведре, чтобы с дороги помыться. Соседка принесла в мешке дрова.

- Ну, давай знакомиться. Я Маша, тоже переселенка, в сорок четвёртом нас из Ростовской области привезли. Детей есть чем покормить?
  - Крупа есть, кашу сварю. Вот в избе холодновато.
  - Сейчас тебе соломы принесу, полы ею застелешь.

На следующий день у конторы накрыли столы и организовали официальную встречу для прибывших. Председатель произнёс речь, сказал, что на обустройство даёт неделю. Выпили по стопочке, закусили картошечкой, квашеной капусткой, салом и пирожками с фасолью. Зазвучали задушевные звонкие песни ростовских и весёлые частушки под

гармошку чувашских, мелодичные жалостливые – украинских и «Касив Ясь канюшину» белорусских переселенцев.

С председателем колхоза повезло. Мужик требовательный, справедливый. Сам работал с рассвета и допоздна, и от людей ждал того же.

Нюру определили в табаководческую бригаду. Со временем научилась Нюра из семян выращивать рассаду в парниках, высаживать в поле, обламывать листья табака ранним утром, нанизывать их на шнуры, сушить в богунах, папушевать и тюковать.

Земляной пол в домике сперва толем застелили, через пару лет уже деревянный был. Печку мастер сложил аккуратненькую, с хорошей тягой. Нюра и на огороде порядок навела: мусор сгребла, пырей вырвала, земли из леса под грядки завезла. Помидоры, перец, огурчики раньше, чем у соседей, созревали. Картошку садила рано по весне, пока влага в земле ещё сохранилась. Урожай радовал. Завистливые языки судачили, что Сычиха слово какое-то знает. Без мужика справляется и с коровой, и с кабанчиком. По воскресеньям работает, в церковь не ходит, даже на День Победы с утра на огороде.

- Нюрка, ты чего грешишь в праздник?
- Работать никогда не грех. Бездельничать, косточки перемывать это грешно.
  - Ты бы хоть в церковь сходила, мужика своего помянула.
  - Я с Богом без посредников разговариваю.

Бывало, тоскливо, тяжко на душе станет, представит Нюра мужа своего, погибшего на проклятущей войне, смахнёт слезу, глянет на высокое синее небо, на плоды своего труда, зайдёт в летнюю кухню, достанет из шкафчика графинчик с самогонкой, которую научилась гнать прозрачной, как слеза. Поставит на стол яйца, хлеб, помидоры. Кликнет соседку Машу и помянут Василя, пусть спит спокойно под Кёнигсбергом. Ничем Нюра его не опорочила. Старшие дети семьями обзавелись, отдельно живут. Младшенькая ещё школьница. Всё у Нюры путём. Пристроила к дому веранду, выкопала погреб — картошка, бурячок, морковочка, редька до весны там хранятся. Сажок для поросят, сарай для коровы, дровник, вот и кухня летняя. Не хуже других, может, даже лучше. Придёт из бани вся распаренная, самовар поставит, чайку пару-тройку стаканов выпьет с одной «сосучей» конфетой и вздохнёт благостно: «Как барыня».

Уважают Нюру односельчане. Отзывчивая, нос не задирает, без огласки поможет, чем сможет. А ещё умеет ячмень заговаривать, соринку языком из глаза вынуть, пупочную грыжу у детей «загрызть», кровь остановить. Были и те, кто вслед поговаривали:

- Сычиха с нечистой силой якшается.

Особенно после случая на Чауде такие слухи поползли. Колхоз дружил с воинской частью, расположенной на мысе Чауда, что в восьмидесяти километрах от села. Командование разрешало на выделенных участках полигона сеять зерновые, косить траву. Взамен получали фрукты-овощи в солдатское меню, вино и чачу с колхозного винзавода для начальства. Вояки помогали убирать урожай, копали траншею под фундамент дома культуры. Дружба была взаимовыгодной.

Нюра нашла общий язык с руководством части, и ей разрешили заготавливать сено для своей коровы на территории полигона, не заходя за ограждение. На майские праздники с попутной машиной Нюра и хромой дядя Федя приехали на Чауду. Капитан встретил у шлагбаума, показал, где расположиться, бойко провёл небольшую экскурсию. Рассказал, на какой широте находится мыс, сколько метров над уровнем моря, о старом маяке, о русалках, иногда выплывающих из морской пучины. Привёл к ставочку с пресной водой. Дядя Федя отстал, не поспевая за быстрым шагом капитана. Нюра увидела ползущего ужа и остановилась.

- Да, самое главное забыл сказать: здесь водятся не только ужи, но и полозы, медянки. Они не опасны, а вот гадюка степная ядовитая, ну прям, как некоторые бабы. Цвет кожи у неё серо-бурый, на спине зигзагами рисунок. Брюхо светлое. Самки крупнее самцов. Будет страшно, приходи ко мне на КПП, защищу и обогрею, и он игриво прижал Нюру к себе.
- Спасибо, капитан, я не из пугливых. И защитник у меня есть, показала на Федю.
  - Этот дед хоть бы себя защитил.

Солнце садилось, степь пахла травой. На полигоне рос житняк, тонконог, пырей, мятлик, ближе к дороге красовался дикий горошек. Пока земля влажная, травы торопятся расти, тянутся к солнцу. Уже через месяцполтора горячий ветер и палящее солнце превратят степь в пустыню.

Дядя Федя поставил старенькую палатку, Нюра собрала ужин: картошка в мундирах, яйца вкрутую, огурцы квашеные, чай из термоса. Так при звёздах и покушали.

Чуть свет сбегала Нюра к ставочку, быстро ополоснулась и принялась за работу, спасибо отцу, что ещё в девках научил её косу держать. Подковылял и Федя. Хорошо потрудились, с азартом, душа радуется при виде ровных валков. Солнце припекает, пот глаза щиплет, значит, до вечера перерыв.

Оставив своего помощника возиться с керогазом, Нюра пошла набрать воды. Встревоженные, из-под ног выпрыгивали кузнечики, разлетались мотыльки. Пахло полынью. Женщина засмотрелась на море, блестевшее под лучами солнца. Надо бы разведать берег, окунуться, хоть

вода ещё и холодная, зато не на виду у солдат. Нюра зачерпнула ведром и остолбенела. Из ставочка торчали змеиные головы. Не двигаясь, Нюра осмотрелась: вокруг стеблей камыша обвились толстые гадюки или другие змеи, некогда было определять. Стараясь не выказать свой испуг, Нюра медленно отошла от скопища ползучих гадов.

Во время обеда появился капитан. Поздоровался, проверил колышки палатки.

- Смелая ты, Нюра, баба. Я в бинокль наблюдал, как ты с гадюками встретилась. В жару это их любимое место. Ждал, что ко мне прибежишь.
- Мы сюда работать приехали, а не бегать. Покажи-ка ты нам, мил человек, короткую тропинку к морю.

Дядя Федя лег покемарить, а Нюра отправилась на разведку, внимательно глядя под ноги. Спуск пологий, кое-где растут невысокие деревья серебристого лоха. Берег песчаный. Вот оно, море! Аж сердце зашлось от такой красоты, мощи и простора! «Не дано мне словами передать, что в душе творится, — думала Нюра. — Завтра приведу сюда Фёдора, пусть ноги свои израненные в морской водичке подержит, глядишь, не так ныть будут». Стоит Нюра, слушает шёпот волны и песка, любуется игрой солнца на морской глади. Вдруг в бухточку заплыл дельфин, догоняя юркую рыбину. Следом второй появился. Шмыгнув чуть ли не у самых ног Нюры, рыба ушла в море, уводя за собой красавцев дельфинов. Сидела бы тут на песочке, забыв о всех делах не переделанных, о судьбе своей нелёгкой, любовалась бы чайками. Эх, понежилась, пора и честь знать.

Утро выдалось росистое, вмиг носки промокли. Солнце припекало, как летом. Скосили делянку, перевернули вчерашние валки, если так дело пойдёт, вечером можно в копны сгребать. Главное, чтобы небо не расплакалось. Ещё день-другой, а потом машину у председателя попросить сено перевезти, досушить и дома можно.

Только собрались обедать, капитан заявился.

- Вот хлеба свежего вам принёс и котлет. Вечером рыбу принесу, если улов у моих удачным будет.
  - Спасибо, капитан, добрый ты человек, поблагодарил Фёдор.
  - Ага, только Нюра не замечает.
  - Да всё я вижу, не слепая.
  - Если видишь, выходи за меня замуж. Ты вдова и я одинокий.

Дядя Федя, хитро прищурив глаза, посмотрел на Нюру. Она будто и не удивилась такому предложению.

- Знаешь, капитан, ты обходительный, красивый, но бабник. А для создания семьи муж-гулёна первостепенное препятствие.
- Не обижайся ты на Нюрку, найдёшь ещё себе пару, попытался Фёдор сгладить ситуацию.

Уговорила Нюра своего компаньона спуститься к морю. Помочили ноги в солёной водичке, присели на покрывало. Недалеко от берега с лодки рыбачили двое солдатиков. Вблизи море цвета размытого бутылочного стекла, чем дальше смотришь, тем оно голубее, а у горизонта — синее. Тихо сегодня, даже чайки не галдят. Красотища! Справа — Феодосия, слева Керчь, но её не видно. Как-то тревожно стало Нюре, уж не дома ли что стряслось? Большое облако закрыло солнце. Вдали показалась тёмная полоса на синем фоне.

- Смотри, дядь Федь, стая дельфинов плывёт. Я вчера тут видела двух.
- Нюра всматривалась в море, тёмная полоса приближалась, но это были не дельфины. Тревога в душе у Нюры усиливалась. Резко поднялся ветер, погнал волну, закричали чайки, с дерева вспорхнула большая птица.
- Нюрка, это, случаем, не подводная лодка? спросил Фёдор, тяжело поднимаясь с покрывала.
- Нет, это что-то живое, извивается, Нюра забежала в воду и стала кричать солдатам, чтобы они быстро плыли к берегу, показывая на приближающееся длинное пятно.

Один оглянулся и завыл. Ужас, паника, страх повисли в воздухе. Второй солдатик попытался завести мотор, но руки его не слушались.

Из воды показалась большая голова, похожая на змеиную, грива из бурых и красных водорослей, панцирный хребет длиной метров пятнадцать-двадцать. Расстояние между чудищем и лодкой сокращалось. Солдат продолжал кричать, не отрывая взгляда от монстра.

— Заводи мотор! Слышишь, заводи мотор! — взывала Нюра. Ей казалось, ещё мгновение, и морской гад перевернёт лодку. От страха утонут пацаны или станут добычей чудища. Нюра по пояс зашла в воду и стала махать руками, привлекая к себе внимание. Монстр повернул голову и уставился своими бесцветными мутными рыбье-змеиными глазами на Нюру. Холодом обдало всё её тело, ноги стали ватными, хотелось сесть, мысли словно слиплись одна с другой, сердце сжалось и перестало стучать.

Затарахтел мотор. Змей перевел взгляд на лодку. Нюра выдохнула, потом пошевелила ногами, сделала глубокий вдох. «Нет, не время ещё умирать. Младшенькую дочь выучить и замуж отдать надо, сено заготовить, — подумала Нюра. — Ишь, змея пучеглазая, чего удумала, пообедать человечиной захотела, выкуси!» Тёплая волна пошла по телу, в голове прояснилось. Теперь Нюра уставилась своими карими глазищами на чудище и что-то шептала, вытянув, как защиту, левую ладонь вперёд. Змеиная голова погрузилась в воду, на поверхности развевалась грива. Резкий всплеск. Чудище поменяло траекторию движения. Раздался выстрел и шипение. Змей плавно погрузился в пучину.

Капитан схватил Нюру за руку и потащил к берегу. Солдатики исступлённо вглядывались в море, но чудище не появилось. У Фёдора отказали ноги.

- Капитан, что это было? спросил он сиплым голосом.
- Чёрт его знает. Впервые с таким встретился.
- Мальчикам водки надо, Нюра посмотрела на капитана.
- И нам не помешает, попытался улыбнуться Фёдор.

Ближе к вечеру бойцы по приказу капитана сложили сено в копны.

- Нюра, ты спасла моих солдат, давайте выпьем за твоё здоровье.
- Хорошо пошла водочка, прямо жар в ногах разлился, сказал Фёдор.
- Не серчай на меня, Нюра, что не помог тебе в отпугивании злодея морского. Как увидел его, словно кол железный в меня вставили, голос пропал. Эх, старость не радость. Седьмой десяток разменял.
- Не переживай, дядь Федя, я сама испугалась. Спасибо капитану, вовремя подоспел. Как узнал-то, что мы в беде?
- Насторожил тревожный крик чаек, потом ястребы взмыли в небо, гнездится неподалёку от КПП парочка. Стон совы днём вообще плохая примета. Глянул в бинокль, схватил ракетницу и вперёд. Чертовщина какая-то.
- Ты же сам рассказывал, что русалки здесь водятся, улыбнулась Нюра.
- Так это я красовался, цену себе набивал. Завтра я выделю вам машину, бойцов, они погрузят сено и отвезут в село.

Выпили ещё по одной. Разговор не завязывался.

Нюра долго не могла уснуть, вслушиваясь в шорохи, пение цикад, крики сов. Они нагоняли тоску, тягучую, обволакивающую.

Солнце всходило быстро, радостно простирая свои лучи на спокойную гладь моря, на степь, умытую росой.

Нюра спустилась к берегу и увидела лежащего на песке дельфина.

Его брюхо было вырвано словно одним укусом шириной около метра.

«Всё-таки нашёл себе жертву, гад морской», — с горечью подумала Нюра.

Капитан сдержал слово. Фёдору и Нюре добрую помощь оказали солдатики в погрузке и доставке сена в село.

- Сычиха уже и сено привезла, вот проворная баба! К любому подход найдёт, нужный ключик подберёт.
- Как же хорошо дома! Ставь, дочка, самовар, чаёвничать будем. Как барыни!

ДЕНИС ГЕРБЕР, Россия, Иркутская обл., г. Ангарск

(номинация «Абсолют»)

Родился в 1977 году в городе Ангарске Иркутской области. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Радиоведущий, продюсер и писатель. Автор романов «Ангел, стоящий на солнце», «Заблудшие». Печатался в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новый берег» и др.

БУДИТЛЯНИН, ИЛИ ПРИСНИВШАЯСЯ ЗМЕЯ

Если судить по фотографиям в семейном альбоме, предки К. все как один были интеллигентами. С пожелтевших карточек смотрели: родители – оба сельские учителя, одетые строго и опрятно; дед с бабкой, сфотографированные в своей библиотеке (неизменный задник из пухлых томов); дяди и тёти – кто за письменным столом, кто за кафедрой, кто в лаборатории. Был даже снимок младшего брата дедушки (мать говорила, таких принято называть «старый малый»), где родственник стоял едва ли не в обнимку с Курчатовым. Ещё один неизвестный предок был облачён в рясу и скуфью – не интеллигент, конечно, но и обычным человеком не назовёшь.

Разглядывая альбом, К. всегда испытывал лёгкое уныние. Иногда — тревогу. Ему чудилось, будто у него внутри шевелятся «интеллигентские гены» — пробуждаются, намереваясь и его посадить за письменный стол или превратить в учёного. Частички голубой крови содержались в организме, как бациллы туберкулёза. Полностью их не искоренишь, но можно сдерживать, контролировать, чтобы зараза не множилась. Собственно, для этого К. и пересматривал старые фотографии — чтобы не забывать, в кого со временем может превратиться. Курильщикам и алкоголикам ведь показывают снимки запущенных больных.

Становиться интеллигентом К. не планировал; ему претила даже мысль, что он станет носить очки и шляпу, разговаривать чеховским языком и рыться в книгах. Всё это казалось разновидностью деградации. Чтоб обезопасить себя от интеллигентской угрозы, К. поступил в колледж и выучился на автомеханика. Окончил кое-как, на тройки. Любые проявления творчества и тягу к знаниям глушил пивом, марихуаной и голливудским кино. Не читал ничего, кроме надписей на стенах подъезда и газеты «Советский спорт», где его интересовали статьи о футболе.

В девятнадцать лет в его жизни появилась постоянная подруга Варя, которая через полтора года сделалась женой. Родилась дочка с

непролетарским именем Сюзанна. Жизнь потекла размеренно и просто. Всё как он хотел.

И вот однажды, когда К. подзабыл и про семейный фотоальбом, и про «интеллигентский туберкулёз», вирус прорвался снаружи, причём из самого, казалось бы, безопасного источника — от Ромки Козакова, напарника по автомастерской.

Ромка носил спортивный костюм, в котором меньше всего походил на спортсмена, всегда коротко стригся, не стесняясь бугров и шрамов на голове, и сплёвывал после каждого произнесённого предложения — будто точку или восклицательный знак ставил.

—Вчера с Бурым абсент пили, — доложил Ромка, вытирая ладони тряпкой. — Чувствую себя, точно подвергся Загадочному Ожесточённому Воздействию — ну, как в том фильме у Гринуэя. Хочется летать, а приходится под машинами ползать.

Он только что вылез из-под автомобиля, и на страдальческом похмельном лице блестело машинное масло.

– В каком фильме? – не понял К.

Он даже фамилии такой не слышал – Гринуэй.

— Ну, «Падения». Это псевдодокументалистика, про людей, якобы подвергшихся Загадочному Ожесточённому Воздействию. Они мутантами стали, заговорили на инопланетных языках и прочее... — Ромка сплюнул на бетонный пол. — Не смотрел, что ли?

К. немного удивился, но особого значения словам напарника не придал. В конце концов, абсент и правда действует странно. Особенно если с папиросами, которые Ромка вечно курит.

Однако разговоры становились необычнее день ото дня. Ромка упоминал Верди и Кандинского, повествовал про малоизвестного кубинского поэта Гастона Бакеро и художника Чюрлёниса — автора картины «Соната моря». Ромка умудрялся сплетать истории о пьянках со стихами испанских мистиков, а байки о своих любовных похождениях украшал постулатами бусидо.

Встревоженный поведением товарища, К. обратился к мойщику Геннадьичу — суровому мужику пятидесяти лет с медным от никотина лицом и словно из того же набора ладонями.

- Не кажется тебе, Геннадьич, что Ромка странным стал? Книжки всякие читает, журналы толстые. Он будто не в сервисе работает, а в университете преподаёт.

Геннадьич впал в недолгое раздумье – рот серпом, чугунный подбородок, усы как два ятагана.

- Человек всегда на своём месте, ответил он наконец. Просто иногда ему кажется, что он хочет другого. Вот Салман Рушди сказал однажды Кроненбергу: «Я, Дэвид, всегда хотел фильмы, как и ты, снимать». А Кроненберг, кобель канадский, удивляется: «Надо же, а я мечтал писателем сделаться!»
  - Какой шалман?

От неожиданности К. совсем растерялся.

- Салман Рушди. Букер Букеров. «Шайтанские аяты»... - пояснил Геннадьич, пронзая К. недоумённым взглядом. - Не читал? Может, и Кроненберга не смотрел?

Несколько дней К. ходил на работу как с полиэтиленовым пакетом на голове. Общался мало, всё больше по делу. Ему казалось, что наваждение пройдёт, если не обращать внимания на странности.

Однако странности не прекращались. Ситуация обострилась однажды вечером, когда в дверь квартиры постучали. Варя и Сюзанна находились на кухне — что-то там жарили и смеялись. К. поднялся с дивана и отпер дверь. На пороге стоял вдрызг пьяный Ромка. Карман на его куртке был оторван, материя свисала изнанкой наружу.

− Ты чего? – удивился К. – Где так нализался?

Он отступил на шаг, но Ромка заходить отказался, поманил в тёмный подъезд. Они присели в закутке у мусоропровода и закурили.

- Странным ты стал, Ромка, - сказал К. - Прямо не узнаю тебя. Случилось что-то?

Напарник повернул к нему хмельное лицо.

- $-\mathfrak{R}$ ведь раньше ничем таким не интересовался, покаялся он. Пока тебя не встретил.
  - При чём тут я?
- Сам не знаю. Какие-то флюиды от тебя исходят эманации, как сказали бы теософы. Поработаю с тобой в смену и внутри что-то шкварчит, пробивается. Вот и сейчас...

Он затянулся так сильно, что красный огонёк на сигарете сделался продолговатым.

- Что сейчас?
- Чувствую, душу во мне будто вскапывают.
- Кто вскапывает?
- Да ты, ты! Ромка бросил окурок в мусоропровод, с лязгом закрыл люк и вдруг заговорил высоким штилем: Иногда испытываешь неприязнь к слишком правильному и честному персонажу кинофильма. Так и меня начинает воротить от собственной жизни спокойной и бессмысленной. Моя жизнь постное блюдо! Ой как хочется каждую секундочку солью заправить! И даже не солью перцем пополам с порохом! Горлодёром на крови!

Это прозвучало как цитата — эдакая смесь Шекспира и Шукшина, но К. понял: Ромка говорит сам и от души. Что-то клокочет у него внутри, будоражит, мешает спокойно жить. И винит в этом напарник его, К.

На следующий день Ромка на работе не появился — отзвонился в обед, сказал, что заболел. А вечером загромыхал телефон. К. снял трубку и услышал бодрый голос.

- Я понял всё! кричал Ромка воодушевлённо. Ты будитлянин!
- **Кто?**
- Русские футуристы Хлебников и Маяковский так называли себе подобных. Только они говорили: будетляне. Через «е», от слова «будет». А я этот термин видоизменил, втолкнул в него новый смысл. Я произношу: будитляне, через «и». От глагола «будить». Вот ты, К., и есть будитлянин: ты пробуждаешь людей духовно и нравственно, выводишь из спячки.

К. опустил трубку на рычаг. Что за бред? При чём тут он? Как может ничем не интересующийся человек у других пробуждать тягу к знаниям? Не говоря уже о духовности.

Утром К. сам позвонил в автомастерскую и сообщил, что заболел. Он решил провести хоть один день вдали от безумных коллег. Побыть с женой и дочкой – что может быть полезней для разгоряченного ума?

День прошёл прекрасно. Варя начала делать заготовки на зиму. Закатывали овощи в банки, шутили, смеялись. Жена напевала: «Я режу, режу морскую капусту», хотя капусту резала обыкновенную. Сюзанну это жутко веселило, она покатывалась со смеху. Девочка пока ничего не говорила, хотя педиатр ещё год назад уверял, что это вот-вот произойдёт. Впервые за несколько лет они наделали пельменей. А за ужином, когда дочка уже спала, распили с женой бутылочку перцовки — «малютку», как они ласково называли ёмкости в двести пятьдесят грамм.

В постели перед сном Варя сказала:

- Какое счастье, что ты у меня есть! Ты моя приснившаяся змея!
- Что это значит? насторожился К.
- —По-моему, это из веданты, объяснила Варя. Парадокс заключается в том, что змея, укусившая во сне, может пробудить человека, хотя сама, по сути, нереальна. Так же и в майе может найтись что-то иллюзорное, что разбудит человека, приведёт его к просветлению.

И это говорила жена — ничем, кроме кулинарии и вязания, не увлекающаяся! Варя, у которой чередовалась подписка журналов: год — «Работница», год — «Крестьянка». К. ощутил, как земля (а точнее, кровать) уходит из-под него, а вокруг закручивается невидимая спираль — удавьи кольца или что похуже.

«Приснившаяся змея... – повторил он про себя. – Xм. А образ-то красивый!»

Следующий день он решил побыть в одиночестве, занимаясь накопившимися делами. Однако везде, куда бы он ни сунулся, его подстерегали сюрпризы.

Женщина в киоске «Союзпечати» посоветовала взять «Литературную газету» вместо «Советского спорта».

– Там интервью с Кшиштофом Занусси, – обосновала она. – Недурно, можете мне поверить! Сама трижды читала.

Озарение накатило и на ремонтника в обувной мастерской.

—Вы думаете, молодой человек, будто я от скудоумия ваши кроссовки чиню? — спросил он. — Увы, мало кто понимает, что профессия обувщика более всего располагает к размышлению. Недаром Яков Бёме — тот, кого Гегель назвал первым немецким философом, — постукивал молоточком, когда сочинял эзотерические трактаты. Да, он был сапожником, молодой человек! И Сократ чинил сандалии или что там они носили у себя в Элладе.

Старичок кондуктор в трамвае заговорщицки подмигнул, точно их с К. объединяла некая тайна. Выходя из вагона, К. даже осмотрел билет — нет ли на нём масонской символики или секретного шифра? Два ноля на номере слились в горизонтальную восьмёрку — символ бесконечности. Может, это и есть знак? Свидетельство того, что мир вокруг преисполнился высшим смыслом.

Дома за ужином К. с опаской поглядывал на Сюзанну. Не подверглась ли пробуждению собственная дочь? Но нет, двухлетний ребенок неумело орудовал ложкой, как веслом, и шипел что-то своё.

«Слава богу, – подумал К., – есть хоть какая-то опора в мире, и эта опора – дети, которые пока не разговаривают».

А назавтра К. ушёл в ретрит. Он заперся в комнате, объявив жене через дверь, что отныне будет выходить только за едой и в туалет. И в такие моменты ему нельзя докучать вопросами. Он сказал, что в дом запрещено приводить посторонних людей. И вообще нужно оставить его в покое на неопределённое время.

К. уединился не с целью просветления. Он решил избавить человечество от своего влияния. Иначе гибель. Что станет с миром, где каждый читает Кафку и смотрит Гринуэя? Некому будет работать в автомастерской. Не о ком будет писать в «Советском спорте» и в «Крестьянке». Толпы интеллигенции — это не только излишне, но и губительно. Интеллигенты и интеллектуалы вымрут без подавляющего большинства рядовых граждан. Недаром же Платон изгонял из своего идеального государства поэтов и ...

К. схватился за голову: откуда он это знает? Какой Платон? Что ещё за Кафка? Он прошёлся от окна к дверям и обратно. Теперь, в одиночестве, он ясно ощутил, что заряжен некой силой, действующей помимо его желания. Это и есть подарок предков. Столетиями сила копилась и множилась, пока на нём не достигла критической массы. Вот что произошло! Крупицы активных изотопов уже сложились, и ядерную реакцию не остановить.

В дверь постучали.

- К., открой! попросила Варя. Моя мама приехала, Кристина Анатольевна. Хочет с тобой поговорить.
- Ни в коем случае! взмолился К. Не приводи ко мне новых людей!
  - Что значит «новых»? обиделась Варя.
  - Никого не приводи!
- Тебе придётся с ней поговорить! Она сюда сорок минут на трамвае ехала, с пересадкой.
  - На трамвае? переспросил К. и вспомнил вчерашнего кондуктора.

Что-то знал этот старик, но ничего не говорил, лишь загадочно улыбался. К. выскочил из комнаты, пронёсся мимо жены и изумлённой тёщи. Он прибежал к трамвайной остановке, уселся на скамью и стал вглядываться в подъезжающие и отходящие вагоны.

«Удивительно, все кондукторы такие разные, – думал он. – Грузные женщины, девчонки – едва ли не школьницы, мужики с военной выправкой, суетливые старушки. Ни один не похож на другого».

Только после часа наблюдений К. увидел знакомую фигуру и прыгнул в вагон. Для начала он, как положено, сел и взглянул в окно. Трамвай двигался по четвёртому маршруту. К. часто добирался на нём до работы, однако сейчас ехал в противоположном направлении, куда-то в промзону. Падал первый снег, укрывая белым осеннюю грязь, опускаясь на жёлтые листья.

- Снова вы! заметил подошедший кондуктор. Обычно в другую сторону ездите. А тут уже дважды... Работу поменяли?
  - Я вас искал, признался К. и почувствовал себя неловко.
  - -Чем могу?

Старичок принял плату, протянул сдачу и билет.

- —Даже не знаю, с чего начать... Ничего необычного не ощущали рядом со мной? Знаков не замечали?.. Извините, я не сумасшедший. Просто вы так подмигнули в прошлый раз. Я подумал...
  - Да вы не тушуйтесь, успокоил старичок и присел рядом.

Его седые усы очень гармонировали с серебристой бляхой «Гортрамвай» на жилете.

- —Знаки они же везде, а в трамвае особенно. По трамваям можно будущее предсказывать, получше, знаете ли, чем астрологические прогнозы будет. А вы просто не на то смотрели.
- Я на восьмёрку из двух нолей смотрел, сказал К. А на что надо было?
- Ноли ничего не значат, это обычный дефект. Последние две цифры вот настоящий знак, послание Вселенной.

К. вынул из кармана билет.

– Двенадцать? – удивился он.

Именно единицей и двойкой заканчивался номер на билете.

- Что же это за послание?
- Ну как, двенадцать сакральное число. Это количество людей, которых может пробудить один человек. Самое, так сказать, оптимальное число, заложенное природой, гармоничная система. Не зря же платоновская модель Вселенной была додекаэдром.
- К. с интересом заглянул в стариковские глаза. Голубые зрачки словно плавали в мелких лужицах, раскачивались.
  - − То есть я пробужу двенадцать и всё закончится?
- Конечно. Всегда так было. Двенадцать олимпийских богов, месяцев, двенадцать присяжных, двенадцать образующих круговорот сансары... Все видят эту закономерность, да никто не обращает внимания. У преподобного Сергия Радонежского было двенадцать общинников, а если кто-то уходил, ему тут же находилась замена. Историки пишут, что Сергий набирал учеников по количеству апостолов, но ведь такое утверждение – кощунство! Преподобный Сергий был очень скромен и смирен, разве мог он таким образом подражать Иисусу? Даже думать об этом нелепо! Как вы себе это представляете? «Товарищи монахи, сегодня из общины в мир удалился Иосиф. Нужна замена, какие будут предложения?» Или: «Ты, Никифор, конечно, праведный человек, почти святой, но у меня всё укомплектовано двенадцать, как у Христа».

Старичок сам же и посмеялся над этой фантазией, а потом вздохнул, будто мир его смертельно утомил.

Трамвай остановился, и в салон зашли четверо работяг.

- Ну всё, мне пора, - сказал кондуктор и поспешил обилечивать пассажиров.

«Двенадцать», – проговорил про себя К. и начал подсчитывать: Варя, Геннадьич, Ромка Козаков, сапожник-философ, Варина подружка Настя, на детской площадке составляющая мандалу из песка и стёклышек... Он насчитал одиннадцать человек, и больше никто в голову не приходил. Разве что соседка с первого этажа, неожиданно принявшая обет молчания. Хотя она, скорее всего, просто сумасшедшая. У неё и раньше закидоны случались.

К. сошёл на незнакомой остановке возле пожарной части. Он пересёк рельсы и сел на трамвай в обратную сторону. В вагоне было полно замученных людей. К., как и все, угрюмо уставился в окно, но мысли его одолевали особенные, не как у всех.

«Слава богу, скоро всё прекратится, — думал он. — С двенадцатью пробудившимися уж как-нибудь справлюсь. Дюжина гармонична — это гораздо лучше, чем просветлённый мир с обычным автослесарем в центре Вселенной... Но кто станет этим двенадцатым? С кем я ещё не общался?.. Да какая, собственно, разница? Пускай это будет тёща. Приду домой — осчастливлю Кристину Анатольевну, и делу конец!»

Дверь квартиры отворила Варя. Вид у жены был радостный, ей явно не терпелось поделиться новостью.

- А где твоя мама? спросил К., оглядывая из прихожей комнаты.
- Мама уехала. Сказала, что ты странный. Обиделась, кажется... Представляешь, Сюзанна наконец заговорила!
  - Ого! И что сказала? Мама?
  - Heт! Сидела на полу и вдруг сказала: «Папа».
  - − Папа?
- Я ей показывала старые фотографии из твоего альбома, а она говорит: «Папа». А потом ещё: «Папа выскочил. А то сидел как Пифагор».
  - А потом?
- Какое «потом»? Больше ничего. Что ты хочешь от ребёнка? Это же её первые слова! Раздевайся уже, ужинать будем. Я и «малюточку» взяла отпраздновать.

АЛЕКСЕЙ РАЧУНЬ, Россия, г. Пермь

(номинация «Абсолют»)

Родился в 1976 году в городе Кунгуре Пермской области в семье учителей. Окончив в 1996 году Кунгурский сельскохозяйственный колледж и получив специальность юриста в области сельского хозяйства, некоторое время преподавал в этом же колледже гражданское право. факультете Одновременно учился на юридическом Пермского государственного университета. Работал на разных должностях в промышленности Пермского края. В 2012 году стал литературного конкурса имени Каверина за историко-детективный очерк «Зачем Соловки». Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», интернет-газете «Lenta.ru», журналах «Великороссъ» и «Эмигрантская лира». Живёт в Перми.

СЛУЧАЙ В СТЕПИ

1

Течение времени бывает разным. Лишь из толчеи мегаполиса, из безумных этих муравьиных копошений, из скопления людей, характеров и фобий время выглядит коротким полётом стремительной ракеты. Его всегда и на всё не хватает. Словно это низкий удушливый смог, что вечно стоит над городами, жмёт на землю свинцовой дланью и требует — торопись.

В этой степистой местности, небогатой на растительность, испещрённой как прыщами — редкими кустиками, да неглубокими рубцами пересохших балок, время никуда не текло. Под высоченным, внепрогляд, небосводом, с приклеенным к нему яростным солнцем, время плавилось, слоилось и пузырилось натёками, как гной на глазах старика.

Был и старик, изо дня в день прислонённый к стене саманной хижины, как бесхозный инвентарь. Его занятий и было — до полуденного зноя натаскать воды из арыка, да выпустить бедовать в бесплодные степи трёх коз. А потом занять позу истукана в коротком теньке возле стены и отрешённо пускать на линялую рубаху бурую слюну. И клясть, до костного зуда, до покрывающей нутро извести, время.

Была у старика и старуха. Давно уже лежачая, ни на что не гожая, ни к чему живущая. Старик исправно ходил за ней, кормил, переворачивал с боку на бок, омывал, менял бельё и сердобольно гладил по голове.

Эти хлопоты давно вошли у него в привычку и не обременяли.

А больше заняться было нечем. Иссохшие желудки не требовали много пищи, а значит, и затрат на её добычу. Электричества тоже не было – когда-то прикатил в клубах пыли грузовик, с его кузова, не вылезая, некие люди ловко срезали провода и растворились, как мираж, в густевшем зное.

С проводами исчез и будоражащий душу ажиотаж большого мира, ненужными стали приборы, да и осиротевшие столбы, будто из них выпили жизнь, не достояв зимы, рухнули и скоро истлели.

Теперь вокруг была лишь степь, ветшающая хата, да двоединокие старик со старухой.

Хата их стояла у излучья двух пыльных узких дорог, сходящихся в одну. По ней давным-давно, кроме того уже полустёршегося в памяти грузовичка, что увёз провода, никто не проезжал.

И, казалось, если произойдёт на дороге некое движение, оно будет чуждым и нереальным, кто бы его не создал, — монгольский тумен из дальних средневековий либо лоснящийся металлом космический аппарат. И прошлое, и будущее были для этой дороги неуместным фоном.

Дорога была совершенно безжизненной.

Один её конец уходил по жёлто-серым пустынным землям за горизонт и растворялся там, в этом бедноцветном мареве, как нить ненужных воспоминаний.

Два же охвостья, на сростке которых стояла стариковская хата, вели в противоположную сторону и разбегались по степи привольными лентами, разводя глаза. Они тоже уходили за горизонт, в те края, где мёртвая полупустыня начинала чуть гуще куститься и сливалась у горизонта в тонкую белесовато-зелёную нить.

Там, когда подступал удушливый вечер и воздух чуть остывал, роилось что-то в воздухе, колобродило и мельтешило. Какие-то неявные миражи, как призраки, похаживали у горизонта, сообщая некую утлую надежду.

А надежда у старика была одна.

Что начнёт течь время.

Пускай с самой ничтожной скоростью, но течь.

Тогда, даст бог, выйдет стариковский срок и приберёт его смерть. А перед этим, наконец, отмучится его лежачая старуха. Только и мечты было у старика, чтоб пришло в движение время, и вытекло из него всё без остатка.

Старик яростно клял не желавшее течь время, гнал его прочь, бранился, исходил нервами до припадков, но время никуда не текло.

Старик молил небеса, однако они не помогали.

Старик хулил небеса, но они не гневились.

Вся его ярость, все его проклятья, вся его хула и напраслина никуда не обращались, не достигали ничьих ушей.

А были, как остановившееся время, как непогашенный кредит тут, всегда при нём.

И у старухи были такие же мысли. Однако слабость её и болезнь не давали ей выражать свои чувства яростно и громко. И она лишь плакала.

Когда соль слёз проточила на её и без того изрытом морщинами лице глубокие борозды, она смирилась и замолчала. Замолчал и старик,

обратившись в продубленного ветром истукана у саманной стенки. Время остановилось совсем.

Отчаяньем, горьким, беспросветным отчаяньем душевной нищеты наполнилось вневременное стариковское бытование. Горькой обидой, как наледью, покрылось изнутри его существо.

А разве может быть что страшнее, беспросветнее и неизбывнее, чем стариковские обиды. Обиды, которые не могут быть отмщены, обиды, что никогда не пройдут, ибо не пройдёт время.

Но коли жива надежда, жив и человек.

Однова старик увидал странное клубение. Оно шло, как бы поигрывая и поскакивая, словно перекати-поле, оттуда, куда уходила дорога воспоминаний.

Старик не сразу обратил на него внимание, приняв за обычный в этих бескрайних местах такой же заблудившийся во времени и безысходности ветер. Однако клубок нарастал, как степной суховей, правда, не разрастаясь в размерах, а сбиваясь в плотное ядро.

2

Ядро надвигалось, и это так поразило старика, что он испугался.

С испугом стронулось и что-то в его голове. Обрывки эмоций, куски молитв, фрагменты ругательств и черепки загадок зазвенели в старческой голове стеклянным боем лопнувшего плафона.

Разум, тщедушный, почти угасший разум вдруг восстал и грозил помрачением. Ибо приближающийся ком нёс движение, а стало быть, и отсчёт. А отсчёт – это всегда ход времени.

Ходуном ходило, билось накрытой сетью птицей сердце старика. И кровь, давно уже остывшая и загустевшая, вдруг взыграла в жилах и зашлась кипятком.

А пыльный ком, подсобравшись, осадился на месте, как взвившаяся в дыбы лошадь. И из него стремительно вырвался и, блистая, полетел по дороге автомобиль.

Старик, поздно сообразив, наконец подобрался и побежал в хату.

У входа перевёл дыхание — он уже давно никуда не бегал даже несколько метров, — ополоснул лицо застоялой водой из ржавой бочки, выдохнул пару раз и эх! с отчаянной удалью окунулся в бочку по пояс. После вбежал в хату:

– Старуха, там кто-то едет.

После чего, сам себе не веря, поспешил на улицу.

Пыль по-прежнему вилась по дороге зыбким шлейфом, а автомобиль приближался.

Теперь его уже можно было разглядеть детально.

Это был внедорожник тёмного цвета.

Матово блестели припыленные дуги, диски и надкрышный багажник. Внедорожник шёл напористо, ходко, не рыская, лишь изредка подскакивая по бугрящейся дороге, равномерно давя шинами грунт.

Старик подумал было, что это мираж, и эта его мысль отозвалась в нём какой-то неявной, неожиданно возникшей неуместной надеждой.

Автомобиль, ещё мгновение назад бывший в отдалении, наскочил в миг и разом остановился, плюхнулся меж ухабов и тотчас замер, как подсдутый мяч.

Стрекотала живность в бедной растительности, позвякивали от жары и дороги мелкие детальки в автомобиле, щёлкали, моментально высыхая, редкие волосы на стариковской голове. Миг, и всё смолкло, и стало как и было прежде. Старик закрыл глаза и зашевелил беззвучно губами.

 Здравствуй, отец, – раздался бодрый, исполненный сил душевных и телесных голос.

Он прозвучал иерихонской трубою, трубным зовом, возвещающим неумолимое наступление армагеддона.

Старик открыл глаза.

Парень лет тридцати, спелый, коренастый, бодрый, торчал над водительской дверью, пританцовывая ногами на нагретой подножке.

– Мир вашему дому, батя! Алё. Ау. Слышишь меня? Ассалам алейкум!

Старик раскрыл рот для приветствия. Отвыкшие от общения губы слушались плохо, голос дрожал, звуки выходили из горла, будто несмазанные детали.

Путник растерянно, будто ища поддержки, оглянулся по сторонам.

Однако старик пришёл в себя, проперхался и повторил уже в полную силу:

– Алейкум ассалам, добрый человек!

Парень обрадовался. Он соскочил с подножки, подошёл к старику, постоял, посмотрел и протянул ему руку:

- Очень рад. Еду-еду, никого, голая степь до горизонта. Думал уже, заплутал. А тут твоя изба, как спасение. Была мысль мираж, блазнит, поближе подъехал, нет, действительно, хозяйство. И ты на пороге, батя. Стоишь и молчишь, как истукан. Опять думаю, мираж. Спрашиваю, главное, а ты стоишь столбом, как этот, как его, Лот, что ли? Или жена его? Да и чёрт с ними. Я чего говорю я к озеру еду. Озеро где-то там есть в степи дальше, слышишь, батя?
  - А? старик будто очнулся.
- Озеро, говорю, тут есть где-то, красоты невероятной, степное.
  Знаешь про озеро?
  - Озеро?

В голове у старика что-то щёлкнуло, будто запустился старый плёночный киноаппарат, и поехала, пошуршала по роликам жухлая, осыпавшаяся, почти уже в прах превращённая киноплёнка. На ней сквозь точки, пятна и трещины пошла проекция — камыши, чуть неровный берег, садящийся за горизонт яркий шар...

Опаска покидала сердце старика.

Это время, время начало течь. Пошёл отсчёт, защёлкали мгновения. Неужели вымолил?

Неужели господь сподобился и смилостивился. Новые радостные мысли скудно забродили в стариковской голове. Однако же они не заполняли собой всё сознание вмиг разлетающимся фейерверком, нет.

Они кружились в пустоте, сходились боками и вновь разлетались, будто в парном танце, как бы оставляя место для чего-то ещё.

- Ага, озеро. Из этой бочки можно умыться? парень, не дожидаясь ответа, скинул футболку и с шумом заплескался. Он лил воду на лицо, на грудь, на спину, тёрся, шлёпал себя и фыркал, как конь на мелководье.
- Случайно про озеро ваше проведал из былинных источников, их даже в интернете нету, ну и заело меня. Думаю, не дам пропасть жемчужине, открою её для человечества. По крохам сведенья подсобрал, рюкзак набил, палаточку в багажник бросил, да и в путь. А чего мне, думаю... Ты один тут живёшь, батя, или ещё кто есть? Хозяйство-то у тебя, гляжу, небогатое. Ну да ничего, трафик к озеру пойдёт, приподымешься.

Парень стал обходить вокруг избы. Старик поплёлся следом.

Гость тыкал кулаком в саманные стенки хижины, деловито наклонялся, подбирал с дороги труху и гниль, отшвыривал в сторону.

- Это что, сарайка? он пнул по двери и хмыкнул. Затем подпрыгнул, повис руками на жердине кровли, подтянулся и спрыгнул.
- Скучно, поди, старик, так куковать-то? усмехнулся он, открыто и просто глядя в глаза старику.

И, не дожидаясь ответа, сказал:

– Ну вот!

Будто пообещал, что теперь всё наладится.

Гость и старик обошли немудрёное хозяйство и дошли до колодца. Здесь гость наполнил поясную флягу.

— Так что, старик, куда дальше-то мне ехать, влево или вправо? Дорога-то раздваивается. Слушай, тут такой анекдот рассказали про «раздвояеца», ум-м-мора!

Старик смотрел на внезапного гостя и собирался мыслями.

Он уже давно не успевал за рассуждениями и вопросами собеседника и положил себе как следует обмозговать сегодняшнее происшествие после, когда этот человек уедет своей дорогой.

Сейчас его беспокоило лишь, оказал ли он гостю надлежащее гостеприимство, откуда-то вдруг всплыл в его памяти обычай гостеприимства и гвоздил теперь в маковку.

- Чем богаты! выпалил он парню.
- А? Чего? не понял тот.
- Чем богаты. Чем бог послал, не взыщите, живём скудно.
- Да нет, нет, засмущался гость, мне только дорогу разузнать. Здесь дорога-то идет?
  - Дорога-то? переспросил старик. И сам же ответил: Здесь.
  - Ну и отлично! Ты тут, батя, как путеводная звезда.

- Чего?
- Как маяк в пучинах хозяйство твоё, говорю. А ты при нём как смотритель. Ну а я, стало быть, корабль пустыни.

Парень засмеялся над своей шуткой, и старик тоже непонимающе хохотнул. Его радость вдруг стала меркнуть, как меркнут в предвечерии зыбкие мороки у пустынного горизонта.

Он осмотрел ещё раз всё своё хозяйство — избу, сарай, постройки, кучу рухляди, штабель тлелых дров, загон, колодец, коз, пасущихся в отдалении — всё то, что составляло его жизнь бесчисленную тьму лет, всё то, что вросло в него, срослось с ним, с его стариковскими жилами, с его плотью и с тем, что внутри этой плоти.

Ведь получалось, что внутри него есть нечто неосязаемое, что-то такое, что непросто то взять и описать словами или иным каким способом взять и выразить.

Он-то думал, что это лишь старческая накипь, неисторгаемая злоба, материальная, как кости, жгучая, как степной солончак, а оно оказалось чем-то таким... Таким же, как тогда, в молодости.

Зачем оно ему теперь? Зачем с этим жить, зачем быть в его плену. И осознание того, что внутри него есть ещё что-то, показалось ему невыносимее тех вековечных мук, что терзали его и его старуху тогда, в безвременье.

И старик испугался.

Он видел дом и двор, сарай и загон, хлам и колодец – и это был его мир. Небольшой, насквозь пропоённый его злобой и отчаяньем, но его, отвеку его, неделимый ни с кем мир.

А за спиной сейчас был гость, как провозвестник нового мира. Мира, в котором ему, никчёмному и забытому, не будет места.

Все его печали, вся его клясть и хула, всё его испитое и исстраданное, что оно для этого мира, для этого времени? К чему оно ему?

И старик указал путнику неверный путь.

Он направил его по правой дороге, ведущей неведомо куда, в самое сердце степи, туда, где со всех сторон света идущие пути свивались змеиным клубком и, принеся в этот клубок всю жару своей долгой днины, отчаянно шипели, как и положено змеиной породе.

Оттуда можно было лишь поворотить назад и длить свою унылую дорогу к дому, везя за собой одно горькое разочарование в бессмысленно пройденном пути.

3

Ночью напахнуло прохладой так, что заколыхались линялые занавески. Потянуло ветерком и распахнутое, растресканное, в потёках краски окно скрипело на несмазанных петлях.

Старик не спал. Временами вслед за порывом ветра окно гулко бухало о стену мазанки, и тогда в сердце старика разливалась такая щемь, будто оно было не в груди, а там, между окном и стеной.

Возникли вдруг из ниоткуда, будто выпростались из закрученной жарой степной былинки после дождя свежие побеги, воспоминания.

Вспомнилось вдруг старику, что лет тридцать, а быть может и все сорок тому назад, пока не заел быт, пока не появилось привязанности к месту и быстро за ней наступившего окостенелого домоседства, он и сам, былое дело, ездил со старухой на то самое озеро.

Было это в мае, в ту короткую пору, когда степь уже освободилась от снега и подсохла, но ещё не окуталась в порфир и виссон бесконечных суховеев.

Когда трава была ещё сочная и зелёная, и ночной холод уже отступил, а дневной зной покамест не завладел миром. Когда всё жило и дышало, и сами они с женой были живые, ненадышливые, полнокровные, как та степь.

Как они добирались до озера? Может, это была попутка, которых много сновало в ту пору во все стороны, а может, это был даже велопоход с промежуточной ночёвкой?

Были ли у них с женой велосипеды? Кто теперь вспомнит. Вроде тогда они тоже долго, всё кляня, путали дороги и направления, однако выбрались-таки к озеру. А выбравшись, враз забыли все напасти.

Затем вспомнились ему вдруг громкие звуки будто бы сотен полощущихся на ветру после стирки простыней, а за ними наступил такой неумолчный гомон, что старик оторопел.

Он прислушался было, но снаружи въяве был лишь частый скулящий скрип оконной петли, да редкий бряк рамы о стену.

И хлопки, и гомон были лишь в его душе. А за ними встал образ розовой воды и розового неба. И старик вспомнил, зачем они ездили с женой на озеро.

Они ездили смотреть, как прилетают туда на гнездовье с жаркой зимовки фламинго.

Это хлопанье их крыльев было похоже на веянье по ветру простыней. Это их жадный гомон терзал сейчас душу старика. Это их розовые перья стояли сейчас перед его глазами и были всем – и небом, и землёй.

Большие тонконогие птицы с длинными алыми перьями, с красной бархатной шеей, с несуразными топорами клювов взлетали поодиночке, парами, группами, десятками и сотнями особей, кружились в небе то часто, то редко взмахивая крыльями, будто рассеянный дирижёр невидимого оркестра.

Временами они собирались в большие стаи, поднимались высоко и реяли над землей, будто гигантский флаг, покрывая всё небо, как заря, расцвечивая его, как зарождающаяся жизнь.

А на озере в этот момент продолжалась возня, копошение и гомон. Меся тонкими ногами грязь, большие птицы вытаптывали конусы гнёзд и начинали кладку. И на озере бурлила и зарождалась жизнь.

Жили и они с женой, и их сладостный миг двуединого счастья, казалось, будет длиться бесконечно.

И когда старик дошёл до этих воспоминаний, сердце его застучало куда чаще, нежели оконная рама.

Он вдруг понял, что с воспоминаниями о той бурлящей жизни жизнь началась и в нём. И, стало быть, время-таки потекло. И напрасно он направил путника не по тому пути. И ничего теперь не миновать.

Он долго лежал напуганный, прислушиваясь к своему испугу, ибо испуг тоже был вновь изведываемым чувством. И то, что он чувствовал, пугало его ещё больше.

Старик лежал и шевелил пальцами то рук, то ног, а потом удивился тому, что он может заниматься такими глупостями. А следом удивился и тому, что он может оценивать свои действия и поступки.

От этого ему стало ещё хуже. Страх нарастал в нём пульсирующим розовым комом, будто садились на дальнее озеро, закрашивая черноту его будней тщеты, всё новые и новые стаи птиц, и вот он уже начал пунцоветь, этот страх, грозя заполонить всё стариково естество красным жарким ужасом вновь потёкшего времени.

Не давая этому ужасу подчинить себя, старик поспешил к старухе. В этот час поспел и срок перевернуть старуху на другой бок и сменить при надобности бельё.

Старуха лежала спокойная, иссохшаяся, тонкая, вся будто бы видимая на просвет, как куст жузгуна по осени. И ей ничего не было нужно. Время начало течь, и старуха умерла. Пришёл, наконец, и её долгожданный, выстраданный черёд.

Ничего хорошего не испытал старик.

Ни радости, ни сожаления. Лишь досаду, что старухе послано избавление, а ему нет.

Он пробовал было вспомнить полагающиеся по кончине человека обычаи и ритуалы. Попытался сотворить молитву, но вспоминать её слова значило вновь разгонять воспоминания, значило совершать по времени ход в прошлое, в память. А стало быть, что с начавшим свой ток времяходом нужно начинать сживаться.

Однако, разве для этого были пережиты все мучения?

Старик обернул тело старухи тканью, опоясал поверху в несколько витков бечевой и, не дожидаясь утра, вынес на улицу.

Уже давно возле козьего загона им были заготовлены две неглубокие, по пояс, могилы.

Долгое время они были прикрыты хламом, чтобы не осыпались стенки, и старик споро разметал этот хлам.

Засыпав старухину могилу, он воткнул в её ноги лопату, а сам спрыгнул в свою ямину и улёгся в неё лицом вверх прямо на землю, безо всякой домовины. Да и на что она была ему нужна?

Ещё когда он только волок свою старуху сюда, к месту погребения, старик думал:

 Надо бы что-то сказать. Пускай не на смерть старухи, пускай просто. Чтобы не покидать мир совсем уж безмолвно.

И отогнал от себя эту мысль. Ни одного слова он не хотел оставлять после себя в мире.

Окаймлённое могилой, будто укрывной плат, виднелось светлеющее небо.

Старику не хотелось умирать под вольным всеохватным небом, он нажился под таким. И теперь старик смотрел в прямоугольник неба лишь как в высокую голубую крышку гроба. Это его устраивало.

Солнечный луч пробился откуда-то сбоку и резанул старику глаз. Он было подумал, что ход светила по небосклону это тоже часть временного хода и что чем дальше будет наползать на его лицо солнечный луч, тем дольше он, старик, будет идти с временем совместно.

А это было неправильно. Ибо всё уже свершилось. Этот мир никогда не будет прежним и, стало быть, пора искать тот мир, где снова и отвеку всё будет неизменным.

Солнечный луч всё расширял пространство света в тесной стариковской могиле.

Разгорался день.

Старик закрыл глаза и приготовился к вечной тьме.

И тьма не заставила себя ждать, деликатно объяв старика, как заслужившего эту привилегию всей своей жизнью под вечно палящим солнцем.

В тот самый миг, когда глаза старика навеки закрылись, к птичьему озеру по солончакам подобрался заляпанный грязью автомобиль.

На его подножку выбрался измождённый ночными блужданиями и всё же не утративший духа водитель.

Он приставил к глазам ребро ладони и долго глядел на разгорающийся на востоке восход.

В его лучах рябилось озеро, о чём-то вечном шелестели камыши и среди тысяч конусообразных гнёзд вздымали, пробуждаясь, длинношеие головы красные птицы.

Водитель ухмыльнулся, плеснул на лицо тёплой водой из фляжки и воскликнул:

– Ну, старик! Такую красоту зажать хотел! И чего люди жалеют?

АЙДАР САХИБЗАДИНОВ, Россия, Республика Татарстан, с. Урюм

(номинация «Абсолют»)

Родился в Казани 2 декабря 1955 года. Окончил школу № 98 в посёлке Калуга (Казань). Служил в Советской армии. Учился в КГУ на истфилфаке. Окончил Литинститут им. Горького (1993). Публиковался в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Флорида», «Казань», «Идель», «Литучёба», «Сетевая словесность», представлен двумя рассказами в сборнике «Русская литература народов России 20 века» при журнале «Дружба народов». Автор книг прозы: «Ни в селе, ни в городе», «Скованные одной цепью», «Сентябрьские груши», «О товарищах весёлых, о полях посеребрённых», «Провинциал». Лауреат журналов «Флорида» (2010) и «Казань» (2006). Лауреат Державинской премии за 2012 год.

на волге

(отрывок из рассказа)

«ОМ» шёл вдоль грузового берега. Жёлтые портовые краны, расставив ноги, как жирафы, то и дело наклонялись к реке, словно пили воду. Пройдя мимо элеватора, «ОМ» повернул к середине реки. На волнах качались устаревшие катера с автопокрышками на бортах. На одном из них матрос с бурой плешью занимался стиркой и, яростно скалясь, отчего рыжина его казалась ярче, кривил колесом ноги и выкручивал бельё прямо себе на ступни. В открывшемся серебристо-бегучем просторе посреди Волги стояла на якоре баржа, перегруженная брёвнами. И ещё бок к боку две стальные близняшки с торчащими вверх буферами. Одно судно вытягивало со дна реки песок и поливало им из трубы соседнюю палубу, будто осыпало сестрицу золотом. Мутные воды с обоих её бортов стекали в Волгу, а горка нарастала.

За кормой «ОМа» появился двухпалубный сильно покосившийся теплоход. Он был старинный, с неуклюжей надстройкой, будто сверху на него поставили дачную веранду, — шёл на предельной скорости, удивительно заваливаясь на бок, будто получил пробоину. И, грохоча, не боясь опасной близости, начал равняться, выдвигать элементы своего пирсинга — звезду и якорь, торчащий, как серьга из пуповины. И, словно на телетайпной ленте, прошли перед глазами крупные синие буквы: «Бул...га...рия». Корма, низкая, куцая, как полукружье измазанного белилами таза, выбрасывала ошмётки изрубленной воды. И пассажиры на верхних палубах победителя, большей частью женщины, с чувством превосходства поглядывали на отстающий «ОМ», очевидно, довольные своим лихим капитаном.

Пройдя в течение часа Волгу по диагонали от берега до берега, «ОМ» пришвартовался к пристани «Ташёвка», стал выгружать пассажиров с поклажей. Слово «ташый» по-татарски означает «кипит, бурлит», и Артуру с малых лет казалось, что это слово придумали именно здесь. Ведь когда теплоход отчаливал, давая задний ход, утробно газуя и напрягаясь так, что его трясло, то под ним бурила вода, закручивалась в глубине белой спиралью и разлеталась наверху раскидистыми кружевами. А тросы и верёвки, улетавшие от пристани к далёким обрывам, от качки то вскидывались, то плюхались в воду; смолёные лодки, привязанные нос к носу, часто-часто клевали, будто куры на детской игрушке.

От Ташёвки «ОМ» пошёл ровным ходом, мерно разматывал под текстильный шум движка пёстрый клубок берегов. Над обрывом в зелени леса мелькали яркие палатки, оранжевые и голубые. По срезу известняка чернели пещеры, будто кто-то вдавливал в пенопласт горящие окурки. У воды стояли купальщики, толстые и худые. Бледнокожие новички, глазели на теплоход, морщась из-под ладоней, приставленных ко лбу козырьком. Загорелые же, бывалые, иссиня-бурые, как грозовая туча, деловито ходили по берегу, начхав на судно.

Весь путь до Гребеней (Нурлата) составлял два часа. Солнце знойного две тысячи десятого года нещадно палило, и приходилось время от времени переходить на другую сторону палубы в тень, где от ветра и близости воды овевало прохладой.

Наконец показались три известковых гребня. Три утёса-богатыря, давшие название этому месту. На их макушках когда-то торчали деревца, как чубы хохлов. Мощно выпирали над рекой каменистые скулы... Теперь богатыри облысели и потеряли высоту, осыпаясь в воду уже от затылка — лица их, как гипсовые маски, давным-давно обрушились.

Вот залив и здание спиртзавода, вот мелькнул изволок, здесь были пионерская баня и родник. Вот торчат из воды трубы, вероятно, это причал для катера. А самой пристани нет! Мужчина подумал: как же он высадится? А между тем «ОМ» сбросил скорость и повернул к берегу. С разворота воткнулся носом в гальку. Женщина-матрос и пожилой мужчина, оба в синих спецовках, начали что-то вращать — и от палубы отделился трап с приваренными стальными поручнями, завис в воздухе и пошёл-пошёл, снижаясь, к земле, упёрся концом в грунт...

Артур высадился. Прямо под обрывом мужик в дырявом трико жёг костёр и, жутко чадя, смолил перевёрнутую лодку. Наверх вела прочная стальная лестница с зигзагообразными маршами. Артур поднялся – и сразу узнал просторный луг и длинный бревенчатый сарай вдоль обрыва, сильно

осевший. Тот ещё сарай, сложенный в духе купеческих амбаров, ему было, наверное, более ста лет. И казалось, за его дверьми до сих пор хранятся сбруи, бочки с дёгтем и бурлацкие верви, протянутые от стены до стены в своей тяжкой дрёме.

Дорога почти сразу упиралась в ограду лагеря, прежде деревянную, теперь стальную. Сваренная из высоких пик, она казалась неприступной, уходила к реке и свисала над обрывом так, чтобы никто не смог пройти. Но всё же туда вела тропинка... Артур спустился, повис на решётке. Перебирая руками, оказался на внутренней стороне ограды. Поднялся, но вновь наткнулся на высокий забор, идущий вдоль берега. В одном месте была промоина, заложенная длинными досками. Мужчина вытянул их по очереди и с силой бросил как можно дальше под обрыв.

И вот они, пионерские палаты, три больших дома, стоящие в ряд! Когда вышел с другой стороны построек к футбольному полю, от бревенчатого домика, где когда-то жил 5-й отряд — подростки, выскочила бойкая собачонка и начала лаять, подбегала угрожающе. Появился из сруба мужик с помятым лицом. Начал что-то говорить.

Собака мешала изъясниться.

- Я в детстве тут отдыхал! крикнул Артур.
- А-а... понятливо протянул мужик и пошёл обратно, шевеля широченными штанинами с сильно мятым задом.
  - Погоди, земляк! А кто купил этот лагерь?Не оборачиваясь, мужик махнул рукой.Козёл какой-то. Не знаю. Мы охраняем.

Артур хотел пройти к строению клуба, где обычно играли в почту. Тогда он серьёзно решил жениться на Кате, девочке в крошечных сандалиях с продавленными дырочками и с бантиками на макушке. Девочка была очень уютная и хорошо вела бы семью. Он писал ей: «Я Вас люблю», но «почтальон» не приносил ответа. А сама девочка, ей было лет восемь, смотрела на лопоухого обожателя, дико вытаращив глаза, будто он зарезал свою бабушку, и старалась спрятаться в толпе подруг.

Пёс верно отрабатывал свой хлеб, лаял и не позволял перейти футбольное поле. Тогда Артур вернулся к лазу, вылез к стальной лестнице на обрыве. Прежде здесь петляла дорожка, протоптанная пионераминарушителями, стояло огромное дерево, под корневищем которого кто-то прятал в мыльнице сигареты «Салям».

Он спустился к воде. На пирсе, выходящем далеко к фарватеру, купались две девочки лет четырнадцати-пятнадцати. Ныряли с помоста,

вытянув вперёд руки, — умело, как парни. И, выпроставшись из глубин, подплывали к помосту, спокойно разговаривали, ни крика, ни визга.

Волны набегали к ногам Артура и уходили в щебень, как в губку. В сумке лежали чай и большая металлическая кружка с привязанной проволокой в виде дужки, чтобы держать на палочке над костром. Сидя на корточках, он начал собирать мелкие ветки. Расстояние от воды до обрыва здесь было всего с метр, и дровами не разжиться.

Девушка в зелёном купальнике крикнула ему с помоста:

– А вон смотрите, какая палка! Прямо над вами...

Она сама пробежала по насту, ступила на гальку, вскарабкалась пообезьяньи наверх и скинула ему сук — длинный, корявый, метра четыре длиной.

- О, спасибо! Тут ужин сготовить хватит! сказал мужчина и стал поджигать сухую листву. А вы местные?
  - Не-е. Мы приехали.

Темноволосая, загорелая, она смотрела несколько лукаво, но доверительно. Глаза — густо-зелёные, на переносице — каникулярные веснушки. Подруга была светловолосой, бледнокожей (вероятно, не приставал загар), в ярко-жёлтом, тоже сплошном, купальнике и с неопределённым лицом, как сырой блин, о котором ещё не знаешь, что получится.

- На дачу?
- Бабушкин дом.
- А что же тут всё огородили? Еле пролез.
- Это ещё что! сказала светленькая, раньше от забора до самой воды висел моток колючей проволоки!
- Мы вон с той стороны лагеря пролезали, поддержала её подруга и добавила с жалобой: Нас прогоняли.
- Да, время... протянул гость, подкладывая ветки в костёр. Уж такое оно. Нам повезло больше. Но вы должны знать, что на этот берег никто не имеет никакого права. Юридически. По закону. Берега рек, судоходных, транспортных, особенно таких, как Волга, это стратегическая территория. Это ваш берег.

Заварка в кружке поднялась, сквозь неё вздулась пена. Подержав ещё кружку над пламенем, он поставил её на гальку, вынул из сумки чашку и налил в неё немного чаю. Устроившись поудобней, начал отхлёбывать. Наблюдал за купальщицами, которые опять ушли на край помоста.

Обе ныряли с траекторией дельфина. Без брызг, с прямыми ногами. Ступни исчезали в воде, захлопывая гладь и унося в глубину крутящейся шлейф из пузырей. Выпрастывались, мотнув головой, и подплывали к помосту. Вылезали, словно литые, с острыми коленками и лоснящимися бёдрами. Сдавливали воду с материи купальников, нажимая ладонями на живот и бёдра — сверху вниз, вода сбегала по ногам. Зеленоглазая с некоторым женским изяществом поправляла у виска каштановые завитушки и всё поглядывала на гостя, будто ожидала ободрения.

- А какая там глубина? спросил он.
- Три, сказала она и посторонилась.

Он уже шёл с жердью замерять. Сунул конец в воду, но его повело течением в сторону. Наконец жердь уперлась в дно, и... тут Артур увидел огромного пса! Пёс стоял на берегу. Окрас и стать мощной восточноевропейской овчарки, великолепная стать! Вот только уши подвели — не торчмя стояли, а лежали на лбу.

Оглашая побережье густым басом, пес пошёл на помост. Артур опустил жердь книзу, преграждая дорогу.

Пёс шагнул и в мгновение ока перегрыз конец палки. Потом ещё и ещё – и, роняя куски, продвигался к мужчине.

- Он меня съест! воскликнул Артур.
- Да нет! Он добряшка, в голос крикнули девочки. Полкан, нельзя!
- Его зовут Полкан? Здорово! Какое сказочное имя! Ай, хороший Полкан! Вот, на догрызай.

Пёс одним прикусом разделил пополам остатки брошенной ему под ноги жерди и прошёл к краю помоста, а потом обратно. Не обращая внимания на незнакомца.

- А чей это? Ваш?
- Ничейный, общий, сказали девочки.

Артур решил искупаться. Разделся прямо на пирсе; спросил:

- А вы сальто умеете?
- He-e...
- Сейчас попробую. Сто лет не нырял. Тут хорошо, упор надёжный. А то как-то с лодки попробовал, она лёгкая, дюралевая. Я оттолкнулся, а корма ушла, прямо как тазик отлетела. Я плюхнулся на спину. Так отбил, что кожа покраснела. Как калошей настучали.

- Осторожней! предупредили его. Здесь, под водой тоже колючая проволока!
  - Что? опешил мужчина и выпрямился...
- Да нет, не бойтесь, здесь катер чалит. Проволока вон там, по бокам, туда не заплывайте.
  - Мда-с. Ну, ладно. Итак!..

Он собрался с духом, опять присел и сделал прыжок вверх, кувыркнулся в воздухе и плюхнулся. Правда, с согнутыми в коленях ногами, неудачно.

И, боже! Что он ощутил под водой! Он забыл, что в носу перебита перепонка и «солдатиком» погружаться нельзя. Струя под напором ударила носоглотку, в глаз, в мозги! Взмахивая, как гусь крылами, он поторопился наверх, на воздух. И, выбросив наконец голову с вытаращенными глазами, уже не мог сдержаться от нестерпимого кашля и чиха...

- Пере... Пчхи!.. Я! Апчхи! Чхи-хи-хи!

В следующие разы кувыркался, взмахивая лишь одной рукой, а другой сжимал ноздри.

Снова заварил чай, благо взял конфеты и пачку заварки. Девушки согласились чаёвничать. Насластив рты слипшимися от жары шоколадными конфетами, с удовольствием пили его крепкий и горький чай. С нетерпением ожидали своей очереди; кружка шла по кругу. Чай заметно всех взбодрил. Начали шутить, смеяться.

- А вы отдыхали когда-нибудь в пионерском лагере? между прочим спросил гость. В детском лагере? поправился он, видя, что пионерию эти девочки уже не застали.
  - Нет.
- Жаль! Это так здорово! Не объяснить. Ведь почему я сюда приезжаю? Потому что это было лучшее время в моей жизни. Счастье! Мы были маленькими, но очень серьёзными патриотами. Обожали Фиделя Кастро и Че Гевару. Маршировали и пели с чувством:

«Под чёрной кожей У негра сердце тоже! Оно ведь может Смеяться и грустить».

– Вот так, смотрите!

Артур, вдруг развеселевший, опьяневший после купания от чая, ступил на тёплый помост и, сделав лицо строгим, стал маршировать и петь:

– Па-ад чёрной кожей...

Девушки смеялись, подошли ближе. А зеленоглазая вдруг стала рядом и, через плечо задорно глядя ему в глаза, тоже начала маршировать, «руля» руками, будто вела корабль. А потом, застеснявшись, спрыгнула с помоста воду. И Полкан, такой революционный Полкан, казалось, был готов отдать жизнь за Остров свободы – громко лаял и толкался.

На какое-то время мужчине показалось, что девочки вовсе не подростки, и нет разницы в возрасте в двадцать лет. Вернее, что они все трое – как ровесники, и очень хорошо понимают друг друга.

Вдруг Артур спохватился.

- Слушайте, а во сколько пароход в Казань? В четыре? Это ведь последний?
  - Ракета будет в восемь из Шеланги...
  - А до Шеланги сколько идти? Семь километров? спросил он.
    Девушки промолчали.
- А может, чёрт с ним! Плевать на всё, остаться с ночёвкой?
  Заплатить за постель...

Он задумался.

Девушка в зелёном купальнике выжидательно смотрела ему в лицо...

Итак. Время подходило к четырём. Артур обычно ложился в два-три ночи. Что он будет делать всё это время? Еду он, конечно, купит, а книг здесь нет...

- A клуб тут построили? спросил он. Интересно, как сейчас танцуют?
- Какой клуб! ответили ему. Нет тут никого, мы только вдвоём на всю деревню. С ума сойти!

Он вспомнил длинные одинокие пионерские вечера на обрыве, над простором Волги, и его до живота проняла тоска.

С другой стороны, девочки не бросят его одного...

- Нет, сказал он, надо ехать. А сколько сейчас времени?
- Да мачту отсюда будет видно! убеждали его.

– А вон и мачта! – воскликнул он.

Сквозь береговые заросли над завалом показался крестик антенн возвращавшегося из Шеланги «ОМа».

- Ёлы-палы, я не успею! Прощайте, девочки! он быстро оделся, схватил сумку и стал карабкаться наверх, добрался до решётки.
  - Вы кружку забыли! крикнули ему.

Не оборачиваясь, он махнул рукой. А потом, подумав, что жест неприличен, крикнул:

- Она закопчённая, испачкает сумку!

Он поспел как раз, даже с запасом времени. Впереди него неуклюже поднималась по трапу женщина одних с ним лет, в голубом платье-костюме, полноватая и неуклюжая, так что ему пришлось даже дожидаться.

«ОМ» отошёл от берега. Когда давал задний ход, Артур находился на правой стороне — чтобы видеть обрыв под лагерем, а когда теплоход повернул, он оказался лицом к дальнему берегу. «ОМ» пошёл быстро. Спохватившись, мужчина кинулся через арку к противоположной стороне палубы. Спотыкаясь о трап и канаты, подбежал к борту, упёрся руками в перила. Низкое солнце нестерпимо слепило... Наконец он различил берег, торчащие из воды трубы, пирс. Девочки — зелёный и жёлтый купальники — стояли на самом краю помоста, глядели на идущий теплоход... и вдруг разом энергично замахали руками! Рядом стоял чудесный Полкан!

В сердце ёкнуло, а в уголке глаза набухла тёплая слеза...

Он отвечал им, покуда мог видеть силуэты. По мере удаления девочки, словно на плоту, уходили в низину – вниз по течению; сверху на них от утёса падала тень.

«А зря ты уехал. Зря! Ты всегда был дурак! Ты привык во всём видеть плохое, — пролетало в нём с чувством. — Чистоплюй! Теперь ты состаришься и умрёшь. И у тебя никогда такой чистой и доброй встречи уже не будет».

МАЙЯ ГАЛИЦКАЯ, Республика Беларусь, Гомельская обл., г. Буда-Кошелёво

(номинация «Судьба»)

Работает учителем русской словесности в Недойской базовой школе Буда-Кошелёвского района. Лауреат Международной литературной (2015),премии имени Ф.И. Тютчева финалист И победитель международного литературного форума «Славянская лира» (Минск, 2016-2020), финалист и победитель конкурса «Созвездие духовности (Киев, 2017, 2018, 2020), призёр международного литературного конкурса «Центр Европы» (Полоцк, 2018), лауреат Областной литературной премии имени Кирилла Туровского в номинации «Открытие года» (Гомель, 2020), лауреат международного конкурса «Мгинские мосты» (2021). Абсолютный победитель республиканского конкурса переводов стихов М. Богдановича «Дистихи». Первая книга прозы «Образы» вышла в 2020 году.

возвращение

Тётке Стасе опять не спалось. Это повторялось уже которую ночь подряд. С вечера она, намаявшись за день, вроде бы быстро и крепко засыпала, а потом, через пару часов, резко прокидывалась оттого, что ей не хватало воздуха. Она подолгу лежала неподвижно, с закрытыми глазами, пытаясь унять расходившееся сердце.

— Ну, чегой-то с тобой опять-то? — мысленно спрашивала она у своего «двигателя». — Устало, бедненько, устало. Ну, погоди-то, не части так. Тихенько, тихенько... Нема ж войны уже, не бейся, не бейся... Полтора года, как нема...

Когда бешеный пульс понемногу успокаивался, тётка Стася открывала глаза. Первое, что видела она напротив дощатого настила, служившего ей кроватью, было желтоватое в ночном мраке пятно лика Николая Угодника.

Икона была единственной вещью, которую Стася успела выхватить из уже полыхающей хаты под гогот подвыпивших немцев. Наскоро отступая, они, окружив деревню, уже не сгоняли в сарай стариков и баб с малолетними детьми. Спешно прошерстив хлевушки и вспоров последние оставшиеся в живых подушки с матрасами, фашисты подожгли деревню с четырёх сторон и, для пущего страху разрядив несколько обойм под ноги обезумевших от горя воющих баб, пошли дальше, зажимая под мышками трепыхающихся тощих кур.

Бабы, голося навзрыд, кинулись было тушить крайние хаты, но осень сорок четвёртого года была на диво сухой и тёплой, да и порывистый ветер быстро закончил дело, начатое фашистами.

В этом пожаре уцелела и старая кошка тётки Стаси — угольно чёрная, без единой белой шерстинки Васеня. Васеню ещё до войны котёнком принёс младший сын Стаси, пятнадцатилетний Алёшка. Прибежал с улицы и дрожащими руками ткнул что-то матери в подол.

— Мамк, давай возьмём кошёнка, а? Я на поле нашёл. Поглядь, какой маленький, сосун ещё, видать. Помрёт же ж.

Тётка Стася подхватила из рук сына чёрненький еле тёплый комочек. Котёнок открывал розовый беззубый ротик, но звук не шёл.

— Ай-яй, горечко ж мелкое! Так он не видит же ж, глазки больные, — закудахтала тётка. — Поди-тка, вон там за забором ромашки растут. Нарви жмени две. Только рви те, у которых сердечник вверх торчит, то лечебные будут.

Алёшка мигом принёс большую пригоршню цветков. Мать заварила их крутым кипятком и, когда взвар остыл, намочила мягкую тряпочку и долго отмачивала мордочку котёнка.

Через несколько дней отпоенный парным молоком и вымытый ромашковым отваром котёнок ожил. По традиции его назвали Васькой — как и три десятка других деревенских котов. Васька своё имя запомнил очень быстро, но за хозяина признавал только своего спасителя, Алёшку. Он никогда не тёрся об ноги ни самой тётки Стаси, ни отца, ни Алёшкиного старшего брата Петра. В руки он тоже не давался и сердито рычал, когда кто-то хотел его приласкать.

Была у кота странная привычка: как только Алёшка усаживался, Васька подходил к нему, становился на задние лапы и так, вытянувшись в струну, клал голову на колено хозяина. Стоять в таком положении, практически не шевелясь, он мог очень долго.

Ровно через год Васька благополучно принёс троих таких же чёрных, как и сам, котят. Соседки долго подтрунивали над Стасей, мол, как же ты не разглядела котячье «хозяйство»! Васька, успевший привыкнуть к своему имени, ни на каких Мурок и Катек не реагировал и так и остался Васькой, правда, в немного изменённом виде — Васеней.

За несколько часов до пожара Васеня исчезла. Выскользнула из хаты и как будто растворилась в воздухе. Как только фашисты вышли из объятой пламенем деревни, кошка тут же появилась вновь.

За всю войну и год с лишним, прошедший после, кошка ни разу не окотилась, а в последнее лето, видимо, от постоянного испуга и недоедания начала чахнуть. Почти всегда она лежала, свернувшись клубком, и широко открытыми глазами следила, как тётка Стася управлялась, наскоро швыркала самодельным веником по земляному полу и уходила работать в поле.

Нетронутой огнём того пожара в их деревне осталась одна единственная кургузая хата бабы Матрёны, по-уличному — Матруси, о которой по деревне ходили недобрые слухи. Поговаривали, что она мало того, что ведьма — гадает на картах, так ещё и раненого молодого немчонка выхаживала — притащила на себе из соседнего леса после того, как закончился скорый бой поредевшего немецкого батальона с засевшими в лесу партизанами. Когда бабы прознали, что Матруся просит молока от единственной на три окрестные деревни коровы вовсе не для советского солдата, чуть не устроили самосуд. Собравшись возле Матрусиной хаты, они колотили кулаками в хлипкие стены и требовали отдать им немчонкавражину. Матруся, приоткрыв дверь, сначала пыталась донести до баб, что раненый немчонок совсем молодой, дитё. А потом, поняв, что соседки настроены серьёзно, распахнула дверь настежь, отошла и, уперев руки в худую поясницу, медленно проговорила:

 Ну, давайте, заходите. Давите его. Только помните, что и ваши дети у какой-нибудь немецкой бабы вот так же могут лежать.

Неожиданно обернувшись на моментально притихших баб и оглядев всю толпу, Матруся ткнула чёрным заскорузлым пальцем в тётку Стасю:

— Ты, Стася, давно похоронную получила на старшего? А мужик твой где? Погодь-ка, приползёшь ко мне ещё. И ты, Верка, — она перевела взгляд на другую женщину, — не будешь знать, куда кидаться, когда безногого привезут твоего.

Матруся закрыла хату. В гробовой тишине тонким голосом выла Стася, скомкав грязный передник и засунув его в рот. Бабы, не проронив больше ни слова, разбрелись по своим землянкам и наскоро слепленным буданам.

Тётка Стася встала, зажгла керосинку. В изножье кровати заворочалась Васеня, протяжно мяукнула. Стася попила воды из гнутой алюминиевой кружки и села на лавку, под закопчённого Николая Угодника. Минуту подумав, она вытащила из-за иконы скрученные в трубочку грязно-серые бумажки, развернула и поднесла поближе к трепыхающемуся тоненькому огоньку. «Уважаемая Анастасия Павловна! С великим прискорбием сообщаем Вам, что Ваш муж... Васильевич пал смертью храбрых в бою под...» Дальше тётка Стася прочитать не могла – чернильные строчки расплылись под каплями её слёз ещё тогда, в сорок третьем. Дрожащими руками она разгладила похоронку, прижала к щеке, закрыла глаза. Посидев так немного, взяла другую бумажку – текст был точно таким же за исключением имени: в строчке «Имя и имя по отцу» стояло «Пётр Игнатиевич». Третий тоненький листочек был совсем свежим. В нём значилось, что «...сын Алексей Игнатиевич пропал без вести в 1945 году в бою за Берлин». Алёшку призвали, как только ему стукнуло восемнадцать, и вот...

По впалым щекам тётки Стаси потекли слёзы. Алёшка, Алёшенька, младшенький... Знать бы хоть, где твоя могилка, где твои косточки нашли последний дом...

- Надо идти! - вдруг подумала тётка Стася. - Пусть скажет хоть чтото.

Тётка Стася встала, плеснула в лицо холодной воды прямо из ведра, скребанула беззубым гребнем по голове, затопталась по хате. Нагнувшись под трёхногий стол, вытащила корзинку с десятком яиц, положила туда же тонюсенький кусочек грязно-серого сала, завёрнутый в тряпицу. Шикнув на кошку, она, крадучись, на цыпочках, вышла из избы и, пригибаясь, быстрым шагом направилась на край деревни.

- Кто? спросил сонный голос из-за щелястой двери, утыканной пучками мха.
  - Я это, Стася Игнатиха, не бойся. Открой.
  - Щас, погодь трохи.

Матруся приоткрыла дверь и, убедившись, что это действительно соседка, пропустила её в избу.

– Чего тебе среди ночи? Помираешь, что ль?

Тётка Стася, поставив на лавку корзинку, неуклюже бухнулась Матрусе в ноги, обхватила их руками и запричитала сквозь слёзы:

– Не прогоняй, миленькая! Помоги, сил больше нет терпеть-то. Кинь карты на Алёшку моего. Мож, жив ещё. Не написано же ж, что мёртвый, пропал без вести.

Матруся невесело усмехнулась.

— Говорила же ж, придёшь ещё ко мне. Так вышло, по-моему, а? Я ещё тогда видела, что ты придёшь. И сейчас знаю, чего ты тут. Только ты сама мне скажешь... Да ладно, вставай, Стася, не гоже прошлое поминать, грех это. Вставай, да садись вот на лавку.

Матруся подожгла лучину, убрала длинные волосы под замызганную косынку и принесла стопку толстых карт, затасканных и засаленных до такой степени, что они больше напоминали ломти сала, чем куски картона. Смахнув со стола крошки, Матруся стала шлёпать на него карты, пристально всматриваясь в них, то качая головой, то цокая языком.

- Пропал без вести, говоришь?
- Так же ж, пропал. Написано. В бою за Берлин.
- Не знаю, Стася, что такое. Карты мои ни разу не врали, но...
- Как есть, так и скажи. Умаялась я от неизвестности-то. Хоть буду знать, как-то с ним всё.
- Вижу, что есть он на этом свете, но как будто лица у него нет. Одни глаза живые, а лицо как будто расползлось всё. Стало быть, живой твой сын. Жди, Стася, вернётся он, скоро.

Тётка Стася последних слов уже не слышала, так как сползла без сознания аккурат под лавку. Матруся плёхнула ей в лицо воды, и Стася, хватая ртом воздух, снова уткнулась лицом в колени Матруси, как заведённая, повторяя на одной ноте:

- Спасибо, миленькая! Спасибо, Господи!
- Да ладно, нема за что. Иди, Стася, а то как бы бабы не прознали, что ты ночью была тут. Ещё спалят будан твой. И кошёлку забери. Как будешь идти, так оставь её у Верки Семёнихи на крыльце. Дети малые там, да мужик как полмужика, безногий, ей нужнее.

С той самой ночи тётку Стасю как будто подменили. В поле она работала за двоих, даже просилась на подмену, когда какая-нибудь из баб не могла выйти на работу. Когда второй послевоенный урожай был убран и началась зима, тётка Стася без устали расчищала снег возле крылечка, моталась в лесок за хворостом, утепляла хатку, наспех сколоченную из того, что можно было найти на пепелищах и под ногами. Она притащила откуда-то оконную раму с почти целым стеклом, и теперь днём на небольшом окошке частенько восседала чёрная Васеня. Два раза в месяц в деревню приезжал на лошади «магазинщик» – бородатый мужик на деревянной ноге – и привозил сахарин, керосин, бесформенные юбки из крашеной самотканой материи, куски серой бумаги и другие бабские мелочи типа шпилек, ручек для ухватов, дубовые кругляши для подставок Неизвестно каким образом сторговавшись под чугуны... «магазинщиком», тётка Стася выторговала себе цветастый платок и – о чудо! – кругленькое надтреснутое зеркальце, которое надёжно упрятала в безразмерный обгорелый с одной стороны сундук.

Ближе к весне тётка Стася даже умудрилась приобрести себе мелкую однорогую козу Майку, для которой носила из леса берёзовые и еловые веники из тонюсеньких веточек. Рядом с домом она расковыряла небольшую грядку, обтыкав её разновеликими кривыми сучьями.

Кошка Васеня как будто тоже сошла с ума вместе со своей хозяйкой. В один из одинаковых в ожиданиях дней она куда-то исчезла. Тётка Стася думала, что животина окончательно зачахла и подалась в лес умирать. Но Васеня вернулась через пару недель, и дальше всё было как обычно. Ровно через два месяца кошка притащила тётке Стасе в кровать только что родившегося чёрного котёнка, положила хозяйке на грудь и села рядом.

– Вот те и раз! Сдурела на старости-то? – протянула тётка Стася, но котёнка вместе с мамашей поместила в дырявый картофельный кош.

Более того, бабы-соседки стали замечать, что тётка Стася, скорее всего, повредилась от горя в уме: ковыряется-ковыряется в поле или возле хатки, потом выпрямится, смотрит куда-то вдаль и улыбается сама себе, а потом ещё и скажет что-то тихонько... Позовёшь её – как будто вздрогнет и – опять вроде бы нормальная.

Другие тётки из бригады начали подтрунивать над Стасей:

- Послушай-ка, говорят, что к тебе мужик какой-то сватался, ай нет?
- Да ну вас, пустозвонки, какой мужик мне! Мне уже и помирать скоро. Да и не нужен мне никто. Игнатушку вот война забрала...

Губы тётки Стаси дрожали, лицо кривилось, и она долго-долго не поднимала голову, стараясь налегать на лопату или мотыгу ещё сильнее.

Сама себе тётка Стася думала, что если Алёшенька вернётся, то обязательно на большой праздник. Иначе и быть не может. Поэтому и к Пасхе готовилась особенно тщательно: побелила глиняную печурку и потолок, натаскала глины из овражка и вымостила земляной пол. Но проходил праздник за праздником, а сына всё не было. В душе она уже нередко начинала клясть Матрусю, обнадёжившую её. Но как только сталкивались с ней возле родничка или у «магазинщика», Матруся многозначительно кивала ей головой, и Стася снова на некоторое время притихала и улыбалась сама себе.

В самый сенокос ей вдруг стало плохо. Может, от жары, а может, силы покинули напереживавшуюся на две жизни вперёд женщину. Тётка Стася отползла под куст, прилегла на мягкую шёлковую траву и закрыла лицо руками. Вроде бы стало немного легче.

- Баб Настя, а баб Настя! звал её пацанёнок Верки Семёнихи. Баа-ба На-а-стя!
- Чего тебе? Чего-то орёшь, как поджаренный! подхватилась тётка
  Стася.
- Там тебя какой-то мужик ищет! Страшенный жуть! С обпаленной мордой, такой. И руки одной нет. Мычит чегой-то, только глазищи зыркают.
- Шла б ты домой, тёть Стася, посоветовал бригадир. Мало ли что, время тяжкое, ходят всякие недобитки немчурские. Он недобрым взглядом окинул Матрусю, махавшую косой неподалёку. Ещё оберёт хату, последнее унесёт.

Тётка Стася медленно побрела домой. Как назло, разболелась голова, бухало в глаза красными молниями. Подходя к своей избёнке, она дёрнулась и замерла на месте. На косеньком невысоком крылечке топтался незнакомый седой мужик и, воровато оглядываясь, пытался одной рукой открыть фанерную дверь. Дверь не поддалась, и он соступил с крыльца и, сильно прихрамывая, пошёл под окно, заботливо остеклённое тёткой Стасей.

Тётки Стасины ноги ослабли, и она едва не рухнула ничком в дорожную пыль. Пересилив себя и облизнув враз пересохшие губы, тётка Стася двинулась к хате. Незнакомец скрылся за хаткой, и тётка Стася, подняв щербатый серп и занеся его над головой, начала заходить с другой стороны. Она успела услышать, как завывала в хате Васеня и, видимо, чувствуя опасность, билась изнутри в запертую дверь.

Сделав шаг за угол, она столкнулась с мужиком и остолбенела от испуга. Лицо его было обожжено до костей и зажило уродливыми рубцами. Волосы на голове росли пучками и были абсолютно седы. Как и говорил Веркин пацанёнок, у мужика не было одной руки от самого локтя,

в другой он сжимал какую-то тряпку. Однако, глаза его остались целыми и в упор смотрели на тётку Стасю. Тётка Стася глухо охнула, схватилась за сердце и осела на землю.

Когда она очнулась, был уже вечер. Она осмотрелась. Хата её была цела, дверь заперта, а страшного мужика поблизости уже не было. Надрывно верещала кошка, запертая в хате. Тётка Стася приподнялась на руке и снова замерла: седой человек сидел поодаль на старой колоде, на которой она рубила хворостины. Она подумала, что успеет заскочить в дом и запереть его изнутри, прежде чем он, хромой, сможет её догнать.

Собрав все силы, она подскочила, опрометью бросилась на крыльцо, отперла слабую дверь и вбежала в дом. Кошка пулей выскочила во двор и метнулась прочь. Тётка Стася заперла дверь на крючок и устало осунулась на лавку. Черпая кружкой воду из ведра, краем глаза она увидела, что рядом с сидящим на колоде страшным мужиком, встав на задние лапы, вытянувшись в струну и положив голову ему на колено, стояла чёрная Васеня.

МИХАИЛ СМИРНОВ, Россия, Республика Башкирия, г. Салават

(номинация «Судьба»)

Родился в г. Салават в 1958 г. Автор нескольких книг прозы для детей. Член товарищества детских и юношеских писателей России и Творческого объединения детских авторов России (ТО ДАР), член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни». Печатался в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Сибирские огни», «Бельские просторы», «Кольцо А», «СловоWord». Лауреат Международной премии «Филантроп», Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

ЛЮДИ-ПТИЦЫ

Алёшка потёр воспалённые глаза и поёжился. Солнце пригревает, а потянет ветерок и знобит. Осень на дворе. Он вздохнул. Который день не спит. Закроет глаза, а сон не идёт. Бабу Шуру вспоминает. Баба Шура забрала его к себе, когда родители померли. Одна жила. Дед Василий давно пропал. Вышел на двор и исчез. Долго искали, но не нашли. Разное говорили в деревне, но чаще дурачком называли, а баба Шура никого не велела слушать. Говорила, что дед Василий хорошим мужиком был. Пусть мозги набекрень, но люди такие же, как дед, и ничем не лучше, а может, и похуже.

Алёшка слабенько в школе учился. Бог ума не дал, как говорили. Учителя махнули рукой, что толку тратить время, если в одно ухо влетает, а из другого со свистом выскакивает. На уроках ворон считает. А бывало, по осени, когда птицы собирались в стаи, Алёшка выскакивал из класса и начинал кружить по двору, словно взлететь пытался. Девчонки смеялись, а мальчишки лупили его, а он не обижался. Он смотрел на всех и улыбался — широко и радостно. Учителя говорили бабе Шуре, что намучается с ним, а когда помрёт она, вовсе пропадет паренёк. Советовали, чтобы сдала его в детдом или в специальный интернат, где такие же живут, как он. Убогие, одним словом. Баба Шура хмурилась, что живого человека хотят на погибель отправить, а она костьми ляжет, но не отдаст родного внучка. Пусть мозги набекрень, но он же человек — это главное! Как можно родную кровиночку в интернат отдать? И грозила скрюченным пальцем...

Баба Шура показала внука врачам. Таблетки или микстуру дайте, чтобы умишка прибавилось. Всего капельку, а больше и не нужно. Жалко внучка, к жизни не приспособлен. Врачи руками развели. Если ума нет, чужого не добавишь. Хворобу в башке нашли. Какое-то наследство передалось, как баба Шура всем говорила, и смеялась, что богатым будет

внук-то, справки показывала, а что написали врачи, чёрт ногу сломает. Махнёт рукой баба Шура и засмеётся, прикрывая беззубый рот.

А потом пристроила Алёшку в мастерские. Пусть людям помогает, чем сиднем сидеть дома. Глядишь, копеечку заработает. Алёшке понравилось. Радовался, если разрешали в кабине посидеть. Алёшка в мастерской пропадал до вечера. А в посевную или уборочную каждая пара рук на вес золота, даже руки убогонького. Вернётся домой, а сам носом клюёт. Не успеет улечься, уже засопел. И всегда один и тот же сон, будто баба Шура стоит возле калитки и ладошкой машет, словно подзывает, чтобы поторопился, а сама светлая-светлая. Родители не снились. И деда Василия не видел. А баба Шура во сне приходила. Скучал за день. А баба Шура расстраивалась, как он будет жить с птичьими мозгами, если она помрёт. Всё ждала, что старшая дочка приедет и Алёшку к себе заберёт. Не дождалась. Померла. Тихо ушла, незаметно...

Осень на дворе. Солнце не яркое и тёплое, но согревает, а ветер прохладный. Задует, аж знобит. Осень, ничего не поделаешь... Вон дед Ефим на лавочку подался, где солнца побольше. На улицу вышел, чтобы на лавочке старые кости погреть, покуда солнышко тёплое. Сидит в зимнем пальто с потёртым воротником, в шапке, очки на кончик носа сползли. Пригрелся и уснул. Сидит старик, посыпохивает...

Алёшка вздохнул, посмотрел вдаль. Желтел лес, опушка покрылась пятнами: где-то зелёные мелькают, в других пожухлая трава, а там чернью отдаёт. Донёсся птичий гомон. Алёшка взглянул вверх и не удержался. Вскочил и завертелся на одном месте, размахивая руками, словно крыльями и засвистел, будто с птицами разговаривал и так тоскливо, так больно, словно жаловался, что баб Шура померла, что один остался... Птицы закружились над ним, загомонили, за собой звали, а потом скрылись за лесом. Следом потянулась огромная стая. Полнеба закрыли. Гомонят и гомонят...

Осенью Алёшка места не находил. Закружат птицы, и тут же словно душу в кулак сжимают. Непонятная тревога охватывала, тоскливо становилось и неуютно, но в то же время был необъяснимый восторг, и хотелось разбежаться, вытянуться в струнку, взмахнуть руками, закричать громко и протяжно, взлететь и помчаться вслед за птицами...

– Алёшка, упадешь! – крикнула баба Шура, когда он, раскинув руки, метался на краю обрыва, а над головой кружились птицы. – Уйди, пока не отлупила! Весь в деда уродился. Таким же был – мозги набекрень. Замуж выдали, а потом сказали, будто у Васьки с головой не в порядке. В деревне потешались, когда он в птицу превращался, – и опять закричала. – Кыш отсюда! Ишь, разлетались! Мало, один пропал, так и внука за собой

тащите. Летите отсюда, летите, – и повернулась к Алёшке. – Твой дед Василий начинал чудить, когда осенью птицы в стаи собирались. Он следом за ними рвался. Говорил, что душа мается. Встанет посередь улицы, задерёт бошку и смотрит, как птицы кружат, а сам квохчет, словно с ними разговаривает. И птицы опускались, криком исходили. А дед Василий раскинет руки, словно крылья, и начинает кружиться, потом взмахнёт руками, тоненько вскрикнет, словно прощается с ними, и птицы выше поднимались, круг делали над двором и улетали. А дед усядется посередь дороги и с тоской глядит вслед. И так до следующей стаи. И так, пока последние птицы не улетят... А потом дед Василий пропал. Вышел на двор. Всё на крылечке курил и прислушивался, как птицы летели. Я выглянула – он кружится по улице, руками машет. Позвала, а он не слышит, на небо смотрит, и отовсюду птицы кричали, словно за собой звали. И так мне тоскливо стало на душе, аж в груди защемило. Вышла, гляжу, на крылечке папироски лежат, спички, а деда Василия нет. Думала, к кому-нить подался. Всё ждала, что вернётся, ан нет, так и пропал, и до сей поры не могут найти. Может, птицы забрали с собой, а может, рассудок потерял и теперь лежит в больнице с решётками и даже имени своего не помнит. Никто не знает, где он и я – тоже...

И баба Шура посмотрела на тёмное небо...

Алёшка поднялся. Потоптался на крылечке и зашлёпал в избу. Сегодня снесли на мазарки бабу Шуру. Она лежала в гробике, как принято, три дня в избе, и каждый раз, когда свечи догорали, неслышно поднимались старушки, зажигали новые и присаживались на лавку, горестно покачивая головами. Это дядька Кондратий смастерил гробик. Небольшой. Лёгонький, как сама бабка Шура. Алёшка хотел помочь ему, но дядька Кондратий прогнал. Велел возле двора сидеть. Соседки приходили, обмыли, переодели в смертную одёжку, что хранилась в старом сундуке — это бабка Шура ему велела, ежели она представится, отдать соседкам, а они разберутся. Так и получилось...

Бабка Шура неприметно прожила свою жизнь. И ушла тихо. Правда, последние дни твердила, как Алёшка останется один. Он не знает жизнь, не приспособлен к ней. Он живёт своей жизнью, где чужим не место. Ему легче с птицами разговаривать, чем быть с людьми, которые прогоняли и смеялись над ним — убогоньким. А если баба Шура помрёт, Алёшка пропадёт без неё, как когда-то исчез дед Василий. Вон птицы кружат над двором — его высматривают, как бы с собой не забрали. И тыкала пальцем в потолок. Расстраивалась. И в последний день всё возле Алёшки ходила и печалилась, что один останется на белом свете и норовила по плечу или голове погладить, а он хмурился. Не нравилось, словно маленького гладит, а он же большой. За окном темно было, когда они собрались спать. Бабка Шура сидела на кровати, глядела на него, что-то шептала, а может, молилась, потом перекрестила его, спящего, и задёрнула занавеску.

Утром Алешка проснулся. В доме тишина. Ходики отсчитывали секунды, муха колотилась в окне, потом притихла. Он поднялся. Вышел на улицу. Птицы кружились над двором. На него пикировали и опять взмывали, а на их месте другие появлялись и снова взлетали, а сами криком исходили, словно что-то рассказывали. Алёшка встрепенулся, опять появился непонятный восторг. Хотелось взмахнуть руками, словно крыльями, закричать протяжно и... И следом навалилась тоска, словно к земле придавила, аж дышать тяжело стало. Он оглянулся. Куры бросились к нему, думали, корм насыплет, а он нахмурился, взглянул на небо, махнул рукой птицам, чтобы прочь летели, и скрылся в избе. Зашёл в горницу. Отдёрнул занавеску, где стояла кровать бабы Шуры, и уселся на табуретку, что рядом стояла. Казалось, баба Шура спит. Морщинистые руки на груди сложены, лицо светлое и спокойное, по щеке муха ползала, а она лежала и не прогоняла её. Алёшка несколько раз окликнул бабу Шуру, дотронулся до руки и отдёрнул. Холодная она – рука-то...

Баб, вставай, баб, – забубнил Алёшка. – Дай хлеба...
 Баба Шура не шевелилась.

Алёшка завздыхал, закрутил лохматой башкой, не зная, что делать. Опасливо прикоснулся к бабе Шуре и опять отдёрнул руку. Потом поднялся и поплёлся к соседке, которая частенько его подкармливала, то яблочко сунет, то пряник.

- Это... – он затоптался возле порога. – Бабака не встаёт. Я кушать хочу.

И замолчал.

 Давно утро, а она... Неужели померла, – соседка заметалась. – Я ж вчера с ней виделась. Она за тебя тревожилась и старшую дочку ругала, что не приезжает, а потом взяла молочка, чтобы кашу сварить и ушла. А сейчас...

И замолчала.

 Она лежит, – повторил Алёшка. – Я проснулся. Подошёл, а она лежит. Холодная. Одеялку поправил. Бабака замёрзла.

Сказал и зябко передёрнул плечами.

— Ой, божечка, беда пришла, — запричитала тётка Зина и закачала головой, потом повернулась к мужу, который сидел за столом. — Петь, накорми паренька. Чать маковой росинки во рту не было. Налей вчерашних щец. Вкусные — страсть! — она причмокнула, подтолкнула Алёшку к столу, сама подалась к дверям. — Петька, обойди мужиков. Пусть могилку копают. Я в правление сбегаю, потом бабок покличу и за монашкой зайду. А ты, Алёшка, когда покушаешь, посиди на лавке. Не входи в избу, не путайся под ногами — не мужицкое дело покойницей заниматься. Сами управимся. Тебя покличем, когда понадобишься.

И умчалась, хлопнув дверью.

Алёшка изредка подходил к двери, прислушиваясь к тихим голосам, но войти, не решался. Тётка Зина ругать начнёт, ежели заметит. Заскрипела дверь. Вышел дядька Кондратий, сунул складной метр в карман. Потом коряво написал цифры на клочке бумаги, посмотрел на Алёшку, хотел что-то сказать, но махнул рукой и заторопился со двора. Алёшка подался за ним. Посмотрел вслед, как дядька Кондратий хромал, подтягивая ногу с протезом, и размахивал руками, когда оступался. Взглянул на занавешенные окна, потом уселся на лавку. Ждал, когда позовут. Он смотрел на старух, которые заходили в избу, а некоторые норовили погладить по голове, как делала баба Шура, но Алёшка отдёргивал голову и хмурился. Не любил, когда его гладили, как маленького. Старухи уходили, а он продолжал сидеть.

Услышав птичий гомон, Алёшка с тоской смотрел на птиц, которые проносились над головой. Поднимался и, размахивая руками, начинал кружиться на траве, криками подзывая птиц, и рассказал им, что произошло, а они метались над головой, за собой звали. И Алёшке хотелось разбежаться, взмахнуть руками и полететь вслед за птицами. Он бы полетел, да нельзя, как же бабу Шуру оставит одну-одинёшеньку. Алёшка встрепенулся и взглянул на птиц. Баба Шура говорила, что птицы – это души людские. Его ругала, что с ними разговаривает, а сама вслед ушла. Видать, правду говорила бабака, что души людские – это птицы...

– Врёшь ты, бабака, – отмахнулся Алёшка, когда она взялась ругать его, что кружился на краю обрыва, – что птицы – это души. Птички маленькие, а люди большие. Обманываешь...

Сказал и тут же получил подзатыльник.

- Не говори, ежели не знаешь, баба Шура погрозила пальцем. Ишь, умник выискался! Мне ещё отец твоего деда Василия говорил, что души переселяются в птиц. Ага... Каким был человек в жизни, его душа в такую же птицу перебирается. Не спорь со мной, Алёшка, потому что умишка в тебе кот наплакал! Взять, к примеру, плохого человека. В какую птицу попадёт его душа? бабка взглянула на Алёшку. Правильно думаешь в плохую птицу. Если человек обманывал в жизни, воровал и на других вину перекладывал за дела содеянные, его душа окажется у кукушки или в сороку-воровку переселится. Что смеёшься, злыдень! и она намахнулась. У чёрного человека, душегуба, душа попадёт в воронупадальщицу и будет до скончания веков дохлятиной питаться. А ежели светлый человек был или, не дай бог, ребёночек помер, а у них-то души всегда чистые, значит, тому дорога к светлой птице.
- Ага... недоверчиво протянул Алёшка. А куда дядька Еремей попадёт, который стучит и стучит большим молотком в кузнице. Как же он в птицу залезет? он засмеялся, плечики затряслись, потом затих, задумавшись, и сказал. А наша деревня тоже в птичек заберётся, а куда артисты переселятся, которых по телеку показывают, а?

И Алёшка засмеялся, прыгал с пятого на десятое, задавая вопросы.

– Ишь, разговорился! То слово не вытянешь, а тут не остановишь. Куда... – бабка Шура задумалась. – Дык это... У души дядьки Еремея одна дорога – это птица, которая дятлом зовётся. Ну, ты видел дятлов, когда в лес ходили. Вот и Еремей привык по наковальне стучать, а помрёт, душа к дятлу отправится и опять-таки начнёт своим делом заниматься, как при жизни. Деревня, говоришь... Мы привыкли работать, каждый день землице-матушке в пояс кланяемся. Вот и получается, что переберёмся в грачей. Ты видел грача. Такие важные весною ходят по полям. Тоже кланяются, корм добывают. Наши душеньки к ним отправятся, и опять начнём поклоны отбивать, как при жизни было. Что касаемо артистов... – бабка Шура нахмурила и без того морщинистый лоб. - Одни в соловьёв перебираются, другие в дроздов, в общем, кто куда, а самые знаменитые и голосистые – эти в жаворонков. Ты, Алёшка, не гляди, что жаворонок – птичка-невеличка, зато её вон как с небес слыхать. Звенит голосочек-то! И людям радость несёт, и к Боженьке поближе. Поэтому и говорю, что у каждого человека своя птица, и у тебя – тоже.

И утвердительно ткнула пальцем в потолок.

 Баб, а где твоя птичка? – Алёшка долго молчал, стараясь понять, о чём говорила бабака. – Где она?

И поглядел на сухонькую бабу Шуру.

— Моя-то? — усмехнулась баба Шура. — Я стану курочкой Рябой. Яички буду нести. Ты ж из избы не выйдешь, пока парочку не скушаешь, а с улицы возвернёшься, с пяток можешь умять за один присест, и глазом не моргнёшь. Наши курочки не успевают нестись для тебя. Хочу или не хочу, а придётся в несушку превращаться, чтобы ты с голодухи не помер.

И тоненько засмеялась.

Следом засмеялся Алёшка, представляя баб Шуру несушкой...

Сегодня снесли бабу Шуру на мазарки. Остался небольшой холмик и неуклюжий крест, да ещё веночек и маленькие букетики осенних цветов. Соседки поплакали возле могилки, а Алёшка смотрел на неё, задирал голову, чтобы взглянуть на стаи птиц и ему хотелось взмахнуть руками, взлететь и помчаться вслед за ними. С кладбища отправились в дом бабы Шуры. Всё сделали соседи, чтобы проводить бабу Шуру и помянуть её. Недолго сидели за столом. Мужики стопки подняли. Выпили. Алёшка сидел в уголочке. Сгорбился. Глядел, как поминали, едва слышно разговаривали. Потом стали расходиться.

— Алёшка, — сказала тётка Зина. — Дома сиди или во дворе побудь. Я потом за тобой приду. Пока у нас побудешь. Может, твоя тётка приедет. Телеграмму отбили. Ну, а не появится, в интернате станешь жить.

Она развела руками, поправила платок и ушла.

Алёшка остался один...

Он смотрел в щёлку между ставнями, потом вышел на улицу. Сегодня тепло. Алёшка взглянул на солнце и прислушался. Яркий день и тишина на улице. Казалось, всё притихло в природе. Лишь берёзки золотом горят, а трава пожухла, прижалась к земле — зиму дожидается. Донёсся запах дыма. Старую ботву сжигают на огородах. Туманом стелется дымка, скрывая округу. Тишина... Нет, издалека донеслись крики птиц и сразу душу сжало в кулак, тоска накатила, а вместе с ней непонятный восторг и, едва птицы показались в вышине, опять потянуло за ними и захотелось разбежаться, раскинуть руки, взлететь и помчаться вслед за птицами...

Алёшка встрепенулся. Оглянулся на дом. Показалось, баба Шура позвала. Взглянул и тут же поник. Укутался в куртку и притих. Солнце яркое, дымка плывёт по огородам, всё призрачно до синевы, а здесь холодно. И птицы покоя не дают. Кружат и кружат над головой. Видать, за собой зовут. А может, среди них душа бабы Шуры. Алёшка задрал голову, стараясь рассмотреть птиц. Вот одна закружилась над двором, словно присесть хотела, а потом жалобно вскрикнула, и помчалась вслед за стаей...

Алёшка осмотрелся. Дед Ефим, что напротив живёт, сидел возле двора. Видать, пригрелся. Хорошо ему. Задремал... Алёшка зашёл домой. Тишина в доме. Все звуки с улицы приглушены закрытыми ставнями. Тиктак, тиктак — качается маятник на часах в горнице. Часы старые. Циферблат давно облез и потемнел — цифр не видно, а маятник продолжает качаться, отсчитывая секунды жизни: тиктак, тиктак, тик... Алёшке нравилось смотреть на маятник. Усядется возле стола, смотрит на него, прислушивается к звукам и сам качается, как маятник. Сидел до тех пор, пока баба Шура не прогоняла. Сегодня бабу Шуру закопали, а часы всё тикают и тикают, отсчитывая секунды. И сколько они ещё будут работать — никто не знает и Алёшка — тоже...

Он стоял в дверях горницы, но не проходил. В горнице темно. Редкие лучи солнца пробивались через закрытые ставни. Густой запах воска, тлена, каких-то трав, и тянет лекарством. Зеркало завешено, на телевизоре накидка, окна закрыты. Пусто в доме. Лишь на стенах несколько фотографий в рамках и всё. Да ещё кошка промелькнула, припав к полу, и исчезла на кухоньке, скрывшись на печке. Под полом заскреблась мышь и тут же пробежала кошка. Неслышно скользнула по горнице и скрылась. Алёшка подошёл к фотографиям. Баба Шура говорила, что это отец и мать, а Алёшка не помнил родителей. Так, что-то мелькало в голове и тут же исчезало. Он взглянул на фотографию. Отец

напряжённо смотрел перед собой, а мать наоборот, улыбалась. А сегодня бабу Шуру закопали. Нет, её душа с птицами улетела...

Алёшка вышел из горницы. Потоптался на кухоньке и присел в угол, где всегда сидел, и прислонился к стене. Снова мелькнула кошка. Муркнула, потом притихла. Видать, чует, что одни остались. Он скрипнул табуреткой. Взглянул на окно, закрытое ставнями. Сквозь узкую щель пробиваются последние лучи солнца...

Тихо в доме. Изредка осенняя муха зажужжит, забьётся и притихнет. С улицы донеслось мычание коров — это стадо под окнами прошло, и затихло вдалеке. Редкий раз в проулках блеяли овечки, отбившись от стада. Взлаивали собаки, словно напоминали, что службу свою несут, хозяйское добро стерегут. Протарахтел мотоцикл. Видать, поехали кататься. Молодёжь собиралась в берёзовой рощице. Сидели до первых петухов, ребята показывали свою удаль, гоняя на мотоциклах, а те, кто постарше, парами расходились вдоль речки, находили укромные места и сидели до рассвета...

Он долго сидел на крыльце. Ждал, когда тётка Зина придёт. Потом прислушался. Со стороны обрыва донёсся птичий гомон. Алёшка затоптался. Тоскливо стало на душе, и в то же время появился непонятный восторг. И Алёшка не удержался. Неуклюже побежал по меже между огородами. Он бежал, размахивая руками, словно крыльями. В сумерках казалось, будто летит. Алёшка выскочил на обрыв и закружился, раскинув руки. Защёлкал, засвистел, птиц подзывая, потом взглянул ввысь, а небо над ним: яркое, тёмно-синее и бездонное. Опять восторг и захотелось взлететь. Он вытянулся в струнку, взмахнул руками и с обрыва шагнул в небо. Шагнул и закричал: громко, восторженно и замахал руками, словно крыльями и полетел. Он летел над деревней, над лесами и полями, над реками и озёрами, и отовсюду к нему присоединялись такие же людиптицы, чьи души в птиц превратились, и они стали подниматься всё выше и выше в синь небесную, навстречу солнцу, и вокруг него был яркий и тёплый свет...

А над деревней опустилась ночь...

Сборник прозы лауреатов литературной премии «ДИАС-2021»

Редактор-составитель Галина Булатова